

ПОГАНЕ ПОЛЕ.

ЛЕГЕНДА ⁽¹⁾.

(Посвящається Івану Василівичу Барану.)

I.

Тіхо изъ-за хмари місяць випливає,
Байраки, долини, степи оглядає.
На степу долина; в широкій долині
И сумно и страшно, якъ у домовині....
Ажъ-ось завилили вовки-сіроманці,
Крикнувъ чорний воронъ тріючи у байраці,
Прошуміла хвиля-віхоръ по долині,
И знову все тихо, наче в домовині....
Світить изъ-за хмари місяць білолиций,
Ходить по долині страшна молодіця,
На рукахъ кістлявихъ дві дитини носить,
То сумно співає, то тяжко голосить:

»Широкая долинонько—

Погане поле!

Ніхто тебе, черезъ мене,

Ні сіє, ні оре.

Широкая долинонько!

Ти бь зазеленіла,

Якьби не ми, та не наша

Проклята могила!

Прокляли насъ добрі люде,

⁽¹⁾ »Поганимъ Полемъ« и теперъ зовѣтця однѣ урочище на грانیці Ніжинського и Козелецького повіту (черніг. губ). Тамъ и записана отся давня стародавня легенда.

Що я полюби́ла,
 Що васъ на сві́тъ, сині́ моі,
 Гріхо́мъ породі́ла...
 Широ́кая доли́нонько,
 Пога́нее по́ле!
 Сині́ моі, кві́ти моі,
 Гірка́ на́ша до́ля!«...-

Ходи́ть по доли́ні, рве, шука́є квіто́къ,
 Плете́ два віно́чки для чорня́вихъ діто́къ.
 На те́мну доли́ну, на степъ погляда́є,
 То тя́жко голо́сить, то су́мно співа́є.
 Ажъ-ось, закви́лили вовки́-сіромáнці,
 Кри́кнувъ чо́рний во́ронъ тре́йчі у байра́ці,
 Прoшумі́ла хви́ля-ви́хоръ по доли́ні —
 И зно́ву все ти́хо, на́че въ домо́вині...

II.

»Ти пожи́въ на сві́ті, зна́єшъ Україну...
 Розкажи́, дідусю́, про ту́ю доли́ну,
 Де ніхто́ не сіє, де ніхто́ не оре́,
 Що зве́тця міжъ на́ми »Пога́нее по́ле?«
 Одно́му, бува́є, лүчитця инко́ли
 Ніччу проїзджáти Пога́нее по́ле —
 Насторо́шать у́ши тороплéні ко́ні
 И су́мно и стра́шно, ажъ се́рце холо́не....
 Відно́ тамъ, дідусю́, що-не́будь негóже?«
 — »Бода́й не казáти, любий мій небо́же!..
 Дáвня-да́внина́ то: якъ чо́рні хма́ри,
 Ко́лись по Вкраї́ні ході́ли Тата́ри —
 Слізъ гіркихъ да кро́ви бу́ла то годі́на,
 Ї́ не забúде до́вго Украї́на!..
 Одъ кра́ю до кра́ю Татaрва́ ході́ла,
 Пилá кровъ людськúю, да сéла палі́ла,
 А після́ й осі́лись; поста́ли шатра́ми
 Да въ чужій госпóді й зажи́ли панáми;

И на тій долині, въ берегахъ зеленихъ,
Хмарию стояли шатри нехрещенихъ.

У селі въ ту пору, на лиху годину,
Живъ козакъ багатий, мавъ одну дитину.
Краще Васютівни козаки не знали, —
Якъ зіронька въ небі! — Марусею звали.
Знали батько-мати Татару погану,
Берегли, якъ око, дитину кохану,
Да, видно, судилось молодій людині
Сорому добавить нашої Україні....
Вона Татарюгу крадькома кохала,
Да чорнявихъ хлопцівъ двохъ собі й придбала...

Зъ кривавого хмелю Татари дрімали,
А въ прадідівъ нашихъ крила виростали;
И віросли крила: піднялись орлята,
Збудили по-свійські гірявого ката—
»Бери, кату, плату за кровъ, за пожари!«
Довго не забудуть расплати й Татари!...
Минулась недоля, пройшла Божя кара,
Якъ чорная галічъ — згинули Татари.
Зновъ зазеленіли степі та долини,
Благодать та радість зновъ на Україні.

Отъ разъ, у неділю, зібралася рада,
Про грішну Марусю мізкує громада:
За соромъ України, за батькові слізи
Присуджає рада розправу небозі.
Страшно присудила: щобъ батько да мати
На степу широкімъ въ зеленій долині,
Де бенкетували каті України,
Збудували доні глибокую хату;
»А буде готове, кажуть, новосілля —
»Ми прийдемо грати Марусі весілля.«

Три пічки, сердешні, тяжко працювали —
Глибокую хату доні будували,

Глибóкую хату, сирію могíлу...
 Настала четвёрта, осіння, тумáнна. —
 Їде гостей на бѣнкетъ мáти безталáнна:
 »Надiнь, каже, »дóню, сорóчечку білу,
 Та вберiся гáрно, гóді сумувáти...
 Бúдуть сю нiчть гóсті до нáшої хáти.
 На двóрі вже пiвнiчть — нiчого не чýти,
 Ажъ ось идуть гóсті вь хату до Вáсiюти; —
 Зiбрáлися мóвчки, безъ мóви посiли,
 Хазiйнъ и гóсті нáче понiмiли...
 Отъ, вихóдить бáтько, ставъ посерéдь хáти:
 »Невмiла, Марýсю, чéсти шанувáти,
 »Не хотiла слýхать нi бáтька, нi мáтiрь,
 »Молись же вь-остáнне вь моiй хáтi Бóгу,
 »Бери своiхъ дiтокъ, — рúшимо вь дорóгу»...

Чéсного грóмада сýду не змiни́ла;
 Привели Марýсю до новóй осéли
 И спáти на вiки зъ дiтьми положи́ли
 Вь глибóку могíлу на сирiй постéли...
 Де тáя могiла — и слiду нема́е,
 Люде вже й забúли бъ давнiо про Марýсю,
 Да грiшную дýшу землi не прiйма́е;
 Такъ вона, небóже... — »Що такé, дiдýсю?»
 — Нi, сéго не збáю, — не мóжу — не сiлау...
 Гóсподи поми́луй, Гóсподи поми́луй!...

П. КУЗЬМЕНКО.

НА ДОБРА-НIЧЬ.

На добрá-нiчть усiмъ на нiчть —
 Годi вже блукáти;
 Одинокiй, безталáнний,
 Лiажу спочивáти.

Холóдная постiлю́лька
 У тѣмнiй дiбровi:

Буду ждати, сподіватись
Любої обнови.

Усе небо блакитнее
Покрила темнота
Безпросвітня, нерозумна
Давня дрімота.

Що ж за гомін чужий ходить
Од краю до краю?
Чи він що нам нагадає,
Чи що провіщає?

Не нам, Боже, розгадати
Небесні глаголи;
Суди, Боже, нашу долю
По Твоїй волі.

И холодно, и болязо,
Туга серце гнітить;
Всюди темно и не видно,
Тільки зірка світить.

Світи, зоре, на всю землю,
Поки сонце зійде,
Поки Божий день на землю
Красотворний прийде, —

День великий, день воскресний,
День Божої слави:
В прах розсіплють будови,
Старосвітські справи.

Задрижить планета грішна,
Сколихнеться море:
Заридає змії старинний,
Горе йому, горе!

Горе тобі, розвінчаний
Правдою тиране!
За державу тобі плата —
Озеро огняне!

За злочинства — въ пеклі муки,
На землі — прокляття!
Горе тобі, Вавилоне,
Душегубний граде!

Скінуть жемчугъ, заголосять
Пишні блудниці;
Розкриютьця, розчинютьця
Скритні темниці.

Вийдуть мученики бліді —
Катовані тіні!
Дастця судъ імъ невмолимий,
Що тебе постигне!

Горе, горе лукавому,
Що въ гасло неволі
Обертає хрестъ всечесний —
Гасло правди й волі!

Горе, горе багатому,
Що въ гордощі панській
Дурницею нарікає
Голосъ правди братський!

Горе, горе безумному,
Що братів змущає:
У нечесті, у роспущі
Свободи шукає.

Горе вченимъ, що одъ простихъ
Світло захова́ли,

Для користи, для мамони
Правду уживали, —

Всімъ продажнимъ філозофамъ. .
Одъ дѣху святині
Розвіютця їхъ хитрощи,
Якъ пилъ по пустині!

День великий, день воскресний,
День суду й любови!
Передъ нимъ туманъ предіде,
Слізъ туманъ и крові...

А въ тумані сонце світить,
Туманъ розганяє:
Сонце правди незахідне
На весь світъ засяє!

День великий, день воскресний,
День Божої сили!..
Розкріютця великі
Народні могили,

Прокінутця всі народи,
Завіть вічний приймуть,
Ворогівъ тисячолітніхъ
Вороги обіймуть;

Узрятъ те, на що гляділи
И досі не зріли,
Узрятъ те, що земля й небо
Імъ давно відкрили!

Тільки тамъ, де Духъ Господень,
Тамъ и правда й воля.
Де любовъ Господня й віра, —
Тамъ и щастя й доля!...

Світлі жъ, зоре, на всю зѣмлю,
 Поки день той прийде;
 А ви, браття, готуйтеся,
 Бо неждано зійде;

Готуйтеся, очищайтесь
 Одъ плямъ и пороку:
 Готуйтеся — скоро блисне
 Звѣзда одъ Востоку!

І ЕРЕМІЯ ГАЛКА.

ПІСНЯ.

Летить голубъ по-надъ полемъ,
 Спочинку не має,
 И долини, и діброни,
 И луги минає

Ні въ садочку вишнєвому,
 Ні въ лісі густому,
 Не живѣтця, не сидітця
 Їмѹ молодому.

Сидить козакъ край дорogi,
 Коня попасає,
 До голуба, до сізого
 Тiхo промовляє:

Ой куди ти, сизокрилий,
 Куди поспішаєшъ,
 Що й долини и діброни,
 И луги минаєшъ?

Хіба й тобі, мій голубе,
 Не жалко нікого?
 Хіба ніхтo не кохає
 Й тебе молодого?...

Ой спустіся, сизокрілий,
Оддїшть изо мною—
Полетимó въ інше поле
Разомъ изъ тобою;

За горáми, за яра́ми,
На іншому полі,
Пошука́емо зъ тобою
Щасли́вої до́лі;

Ми зна́йдемо, мій голубе,
Зелені дібро́ви,
И доли́ни квітча́сті;
И чо́рні брóви.

Ми зна́йдемо въ те́мнімъ лу́зі
Черво́ну кали́ну,
И сизую голубо́ньку,
И га́рну дівчи́ну;

Сизокрі́ла голубо́нька
Тебе́ приголу́бить,
А гарна́я дівчи́нонька
Козака́ полю́бить.

Л. Г л а в о в ь

I.

Не кїдай мене́,
Моя́ чарочко́,
Не жени́ мене́
Ти, шинька́рочко!
Не жени́ мене́,
Дай упи́тися,
Въ тебе́ брї́дкую
Улю́битися!

Не безъ жі́нки я,
Не безъ ха́ти я, —

Все у мене є,
Відьмо клятая!
Хліба дó-сита
Маю вь засіку,
Маю волики,
Маю й пасіку.
Мой хаточка —
Повна чашечка;
Мой жіночка —
Мовъ та пташечка,
Та тяжкі мої
Бóлі більні,
Бо не маю я
Вóлі вільної!..

Запражý волі —
Пóтомъ мійюся;
Роспражý волі —
На бiкъ хiлюся;
Повалюсь на бiкъ —
Не здрімáюся:
Зновъ на пánцину
Підіймáюся.
Вiдроблю чужé: —
»Жінко-дúшечко!
Приголубъ мене,
Щебетúшечко.«
А вона у плачъ
Розголóситця, —
На своé женé,
Бо й тé прóситця...
Рóбишъ—силъ нема —
Спiнна крiвитця,
А вона на те
Та й не дiвитця;
Рóбяшъ—силъ нема —
Похиляєся,

А вона у плачъ: —
»Запивається!«

О, я пью теперъ,
Жінко любая!
Не кїдай мене,
Чарко грубая!
Не кїдай мене,
Моя чарочко:
Не жени мене
Ти, шиньгарочко!
Не жени мене —
Дай упитися,
Въ тебе брїдкую
Улюбїтися!

II.

ЛАСТІВКА.

(Польского поэта Ленартовича.)

Йде дівчина-сиротина,
Тяжєнько здихає,
А ластівка по-надъ нею
Кругами літає;
И літає и щєбєче,
По-надъ нею вьєтця,
Мало-мало крилечками
У коси не бьєтця.
»Чогó вьєсса, чогó бьєсса?
Покїнь мене, пташко,
Покїнь мене, моя пташко,
Бо й такъ мені важко!«
— Не покїну, не покїну,
А буду літати:

Буду тобі за брата
 Твого щебетати;
 Бо твій братік що-день Божий
 Плаче у темниці: —
 Навідайся, мила пташко,
 До мої сестриці:
 Чи ще вона свого брата
 Добромъ споминає?
 Чи ще вона по брашові
 Слѣзи проливає!

III.

НІЧЬ-У-НІЧЬ.

(Сербського поета Бранка Радичевича.)

Кому́ мѣле сїне море,
 Кому́ милий місяць, зорі;
 Мені мѣла моя річка,
 Мені мѣла темна нічка.

Я що-ночи йду́ до річки,
 Беру́ човенъ невеличкий,
 Мбодъ вѣсла підіймаю,
 На той бѣрігъ поспішаю.

Вода́ пинить, човенъ плине,
 Допливає середини,
 Страшні філі, страшні кру́чи...
 Допоможі, Всемогучий!

Вода́ пинить, човенъ крає —
 Черезъ хвилі пробігає;
 Ще разъ ру́ки підіймаю,
 До бѣріга допливаю;

П на бѣрігъ живо скачу,

И здалека дівча бачу,
И потіху йду на гору
До милої моєї двору.

Близько двору коло плоту
Поглядаю на ворота:
У воротах, якъ калина,
Моя любая дівчина.

Сонце! живо жь опускайся!
Живо, нічко, підіймайся!
Живо, мила, йди до хати!
Годі мене виглядати!

Подоявнинъ Ст. Руданський.

БАЙКИ

I.

ВОВКЪ ТА КІТЪ.

Въ село изъ лісу Вовкъ забігъ...
Не думайте, що въ гості, братця!
Ні, въ гості Вовкъ не забіжить;
А вінъ прибігъ, щобъ де-небудь сховаться:
Проклятий людъ зъ собаками настігъ...
И радъ би Вовкъ въ які ворота вскочить,
Та лишенько йому: куді не погледішъ —
Усюди Вовчика недобленька морочить, —
Хочъ сидь та й плачь!
Ворота, якъ на-те-жъ, кругомъ усі заперті,
А дуже Вовкові не хочеться умерти,
(Бо щё вінъ не нажився, бачъ!)
А гірше — одъ людѣй, одъ видимої смерти...
Коли глядять —
На загороді Кітъ сидить,
На сонечку мурликає, дрімає.

Підскочивъ Вовкъ и до Котá мовляе:

— Котусю-братіку! скажіть міні скоріше,
Хто изъ хазяїнівъ оттутъ усіхъ добріший?

Я хочу попрохатъ, щобъ хто мене зховавъ

На сей недобрий часъ..я бъ у пригоді ставъ...

Чи чуєшъ гомінъ той? за мною то женутця!..

Котусю—батьчку! куди міні поткнётся?—

»Просі мерщій Степана:

Вінъ добрий чоловікъ», Кітъ Вовкові сказавъ.

— Такъ я у ёго вкравъ барана. —

»Ну, такъ навідайсь до Демьяна.»

— Э, и Демьяна я боюсь:

Якъ тільки навернётся,

Вінъ и згадає поросятко. —

»Біжи жъ, ажъ-генъ, живе Трохїмъ!«

— Трохїмъ? боюсь зійтїся зъ нимъ:

Зъ весні ще злий вінъ за ягнѣтко! —

»Погано жъ!. Ну... а чи не прийме Климъ?«

— Охъ, братіку! теля я въ ёго звівъ!.. —

»Такъ ти, бачу, и симъ тутъ добре надоївъ«

Кітъ Вовкові сказавъ:

»Чого жъ ти, братіку, сюди и забігавъ?

Ні, наші козакї ще зъ розуму не спали,

Щобъ Вовка одъ бідї зховали;

И такъ-таки ти самъ себе вини:

Що, братіку, посіявъ, те й пожни!«

II.

ВОВКЪ ТА МИШЕНЯ.

На полі Вовкъ овечку взявъ,

Потїгъ, сердешную, въ дібрóву, —

Не на розмову —

А щобъ иззісти: вінъ бажавъ

Мясця свіженького давненько.

Отъ, взявъ овечку, обідравъ,
Якъ знавъ.

Та й заходівся хорошенъко
Мнясцѣ підъ дубомъ уминать,
Ажъ на зубѣхъ кістки хрущать.
Івъ Вовчикъ, івъ, ажъ утомівся,
Гарáзденько удовольнився,
А все-таки всѣго не ззівъ.

»Нехай вже,« каже, »другимъ разомъ.«
Мнясцѣ травницею прикрівъ,
А самъ спочинуть лігъ тимъ часомъ...

Ненáче панъ який лежить...
А Мишенятко підъ вербою
Почуло, що мнясцѣ пахтить,
Та й крáдетця по-міжъ травою
(Якѣ мале, а вже й хитрить!...)
Отъ, поманесеньку підкравсь,
Взяло мнясця, та у дупло й зховалось.
Угледівъ Вовкъ — дарма що спавъ —
И на весь гай гукать почавъ:
»Ой, лелечко! рятуйте! допоможіте!
Ловіте злодія, держіте!
Добро мое покравъ!...«

Я въ одному селі по ярмарку гулявъ,
Та й бачивъ диво:
Який-сь тамъ становий хвинтівъ спісiво
Біля чумацькихъ хуръ...
Чогó вінъ тамъ никавъ — усі на вусъ мотали...
Отъ, якось, и въ ёго тарані в'язку вк'рали,
А вінъ гукáє: »прóбі! калавуръ!«

Л. Г Л Ъ Б О В Ъ

ДРУГОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БЫЛОГО.

(Посвящается Николаю Ивановичу Костомарову.)

I.

1819-й годъ былъ хорошій, урожайный годъ въ нашемъ уѣздѣ, и помню я, какъ одинъ богатый козакъ въ селѣ Бѣртицѣ, по прозванію Очкуръ, вышелъ за ворота своего веселаго зеленого двора, останавливалъ низкими поклонами добрыхъ людей, ѣхавшихъ съ копами, и просилъ ихъ выпить за здоровье своего новорожденного. Улица буквально была загромождена возами съ чудеснѣйшимъ жѣтомъ, какое только можно вообразить, такъ что и самые суровые, работающіе хозяева, запустившіе себѣ бороду до тѣхъ поръ, пока не обѣются противъ зимы.... (у насъ въ Бѣртицѣ козаки перестаютъ брить бороду послѣ косовицы, и выросшая у нихъ на подбородкѣ густая щетина находится въ тѣсной связи съ осенними всходами, послѣ которыхъ они опять начинаютъ бриться и, на досугѣ, охотно идутъ въ кумовья и старосты), такъ и тѣ нехотя должны были останавливать своихъ воловъ у двора осчастливленнаго небесами козака Очкура и выпить изъ его рукъ чарку горѣлки. Впрочемъ это для пахаря такая благодать, что и самое нахмуренное чело прояснялось, и, не смотря на горячую коповозную пору, вокругъ хозяина зашумѣла веселая бесѣда, точно на святкахъ.

Находя, что стоять за воротами съ чаркою и сулеею въ рукахъ цѣлый день нельзя, козакъ Очкуръ зазвалъ къ себѣ гостей

на дворъ и, усѣвшись съ ними въ кружокъ на споришѣ ⁽¹⁾, пировалъ какъ нельзя веселѣе. У него родился сынъ, который, по всей вѣроятности, долженъ былъ называться Семеномъ, такъ какъ на тотъ день, въ святцахъ, назначено чествовать *преподобнаго Симеона юродиваго*....

Но не козакъ Очкуръ и его новорожденное чадо составляютъ предметъ моей повѣсти. Изъ сосѣдней хаты, сквозь веселый говоръ гостей козака Очкура, вырывались и неслись по воздуху такіе вопли, отъ которыхъ да сохранить Господь всякій сколько-нибудь чуткій слухъ! Тамъ рыдала мать надъ сыномъ, рыдала тѣми раздирающими сердце воплями, которые могъ спокойно слышать только тогдашній исправникъ нашъ, называвшійся комиссаромъ. Счастливый отецъ новорожденнаго, козакъ Очкуръ, уронилъ не одну крупную слезу, слушая вопли несчастной матери, такъ какъ его сердце, обрадованное рожденіемъ сына, сдѣлалось чувствительнѣе обыкновеннаго. Прочіе козаки, запрудившіе своими возами улицу, хоть и не плакали, но выразительно покачивали не только черными, кудрявыми головами, но даже и сѣдыми, уже охладѣвшими ко всякой радости и горю.

Дѣло въ томъ, что молодой козакъ Поликарпъ Зарубай, сынъ козачки вдовы Зарубаихи, не спустилъ комиссарскому сыну за обиду своей невѣсты, къ которой тотъ присталъ съ какими-то неучтивыми любезностями. Больно или нѣтъ поколотилъ онъ его благородіе—не извѣстно, но во всякомъ случаѣ прикоснулся своими пахарскими руками къ благородному юношѣ, прапорщику, пріѣхавшему въ отпускъ изъ какого-то мушкатерскаго полка—обрадовать отца свѣжими эполетами. Каждый чадолюбивый отецъ по себѣ можетъ судить, пріятно ли было комиссару, видѣть на прекрасномъ, исполненномъ дворянскаго достоинства, лицѣ благороднаго юноши простой синякъ, на манеръ тѣхъ, какіе не рѣдко украшаютъ посѣтителей городскихъ питейныхъ домовъ (въ селахъ у насъ добрые люди пьянствуютъ мирно). А такъ какъ власть комиссара была въ Бѣртыцѣ неограниченная, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что десятокъ заковали Поликарпа Зарубаю въ рекрутскіе кандалы, въ то самое время, когда онъ, воро-

(1) Низенькая и кудрявая травка *споришъ* растетъ только тамъ, гдѣ ее безпрестанно топчутъ.

тась съ поля съ полнымъ возомъ жита, уѣлся было съ своею матерью обѣдать.

Для бѣльшаго огорченія вдовы Зарубаихи, у нея съ сыномъ какъ нарочно зашелъ самый пріятный разговоръ о томъ, кого просить въ сваты, когда упорядятся и обѣются въ полѣ, чтобы сватать, съ другого конца Бѣртища, Катрю Дубівну, извѣстную во всемъ селѣ красавицу. Только что разговорила съ бѣдная вдова о томъ, что, хотя козакъ Дубъ и не богатъ, но хорошія у него дѣти и повелъ онъ ихъ *честнымъ звичаємъ, по-старосвітськи*, какъ тутъ на порогъ незванные гости, десятскіе! Они не сочли за нужное скрыть отъ матери комиссарскую угрозу, что онъ ея Поликарпа отдастъ въ солдаты безъ очереди, за буянство; а это значило, что уже никакія просьбы, ни моленія не спасутъ Поликарпа. Тогдашній комиссаръ могъ служить образцомъ нынѣшнему исправнику относительно непреклонности воли. У него даже и взглядъ былъ такой, что, на кого онъ устремлялъ его, у того въ ту же минуту переставали литься слезы. Сказанное имъ было все равно, что написанное, а написанное его перомъ не вырубливалось и топоромъ. Поэтому вдова Зарубаиха могла рыдать сколько ей угодно въ своей хатѣ надъ сыномъ, обхвативъ его голову, — это столько же могло помочь ему, какъ и тогда, когда бы онъ лежалъ передъ нею мертвый. Коротко сказать, что рекрутскій наборъ въ томъ году случился въ нашей губерніи какъ нельзя больше кстати: молодой, рослый, чернобровый Поликарпъ Зарубай возвеселилъ души пріемщиковъ своимъ образцовымъ сложеніемъ, и власть комиссара, грозная всегда для села Бѣртища, сдѣлалась послѣ этого еще грознѣе. Одна осиротѣлая мать, зная, что терять ей больше нечего, билась объ землю и проклинала, какъ она неприлично выражалась о комиссарѣ, *ненасытного пуща* и весь родъ его, и дѣтей его, и внуковъ его!

Грустно подумать, что такое событіе, какъ отдача молодого козака въ солдаты, было слѣдствіемъ явленія очень обыкновеннаго, именно — любезничанья празднаго прапорщика съ сельской красавицей, а между тѣмъ — сколько пролито было слезъ!... и не одной матерью, но и тою, которая во всемъ селѣ Бѣртищѣ не знала лучшаго паробка, какъ Поликарпъ Зарубай! Конечно, Катря Дубівна могла быть утѣшена десяткомъ другихъ паробковъ, которые, при первомъ удобномъ случаѣ, доказали ей своими ухажи-

ваньями и даже драками между собою, что она—первая красавица на селѣ; но оспротѣлую мать некому было утѣшать въ молчаливой хатѣ; ни на комъ не остановились ея глаза съ любовью, этимъ единственнымъ врачевствомъ растерзаннаго сердца; никто, никто не могъ замѣнить ей не только слова, но даже и взгляда ея милаго сына.... Пропалъ козакъ! Меньше однимъ бойкимъ, молодцоватымъ паробкомъ въ Бѣртицѣ! Меньше однимъ звонкимъ голосомъ въ пѣсняхъ! Меньше однимъ завиднымъ женихомъ на селѣ!... Чтѣ жъ дѣлать? Такъ, видно, Богъ далъ, чтобъ комиссаръ заставлялъ всю громаду плясать подъ свою дудку. Видно, за отцовскіе и дѣдовскіе грѣхи караетъ Господъ козаковъ такимъ напускомъ.

II.

Прошло лѣтъ шесть или семь. Катря Дубівна давнымъ-давно вышла замужъ. О ея прежнемъ женихѣ вспоминали рѣже и рѣже; наконецъ и совсѣмъ перестали вспоминать. Одна только мать ждала вѣстей о немъ съ каждымъ днемъ и часомъ; но вѣстей никакихъ не было. Видно, услали его съ солдатами на край свѣта; видно, убили его на войнѣ, а пожалуй умеръ козакъ съ тоски по родинѣ.

Осенью 1826 года, въ одно изъ тихихъ, солнечныхъ воскресеній, когда казаки наши сидѣли съ своими семьями за воротами и здоровались съ проходящими мимо сосѣдами, въ село Бѣртице вѣѣхала нечестивая жидовская бричка, свидѣтельствующая, что сидящій въ ней путешественникъ—человѣкъ расчетливый и неторопливый. Она была наполнена всякимъ добромъ, которое, судя по выглянувшей изъ нея офицерской фуражкѣ, было добро офицерское. Козакамъ нашимъ не было никакого дѣла ни до безобразной жидовской будки, ни до путешествующаго въ ней офицера. Покуривая люльки, они смотрѣли какъ нельзя равнодушно на косматаго жида, отъ роду не пробовавшаго, чтѣ за вкусъ въ колбасѣ и поросенкѣ, и на его четверню тощихъ клячъ, которыми, какъ это всякому извѣстно, нечистая сила помогаетъ пробѣгать въ сутки отъ 70 до 90 верстъ. Но бричка, выбравши хату, у которой сидѣло побольше народу, остановилась, и офицеръ,

молодой красивый человекъ, съ черными, лоснящимися усами, сказалъ:

— Здравствуйте, добрые люди!

»Здорові будьте и ви, добродію!« отвѣчали козаки.

— Съ недѣлею!

»И васъ также!«

Это поздравленіе съ воскреснымъ днемъ, обычное у простонародья, расположило козаконъ въ пользу странствующаго рыцаря.

— А гдѣ тутъ живетъ у васъ вдова Зарубанха? спросилъ офицеръ.

»А на що вамъ, добродію, вдову Зарубаіху?« спросили козаки.

— Видно, ваше село горѣло и перестроилось, сказалъ, вмѣсто отвѣта, путешественникъ: — я не узнаю знакомыхъ хатъ.

»Булó всёго, добродію«, отвѣчали козаки.

Но уже нѣкоторые изъ нихъ подступили ближе къ жиновской бричкѣ и всматривались въ странствующаго рыцаря.

— Да се жъ Зарубаенко! се жъ Полікарпъ вдовиченко! вскричало вдругъ нѣсколько голосовъ, и въ одну минуту народъ окружилъ бричку.

Село Бѣртище взволновалось невѣроятною новостью.

»Дá, люди добрые!« говорилъ офицеръ, »я тотъ самый Полікарпъ Зарубаенко, котораго вы громадою отдали за буйство въ солдаты. Жива ли еще моя матушка?«

— Слава Богу, підскакуе! сказали радостно козаки. — А що ми васъ отдали громадою въ москалі, такъ то винá не наша, добродію. Скачі, враже, якъ панъ каже!

»Я на васъ и не сержусь«, отвѣчалъ офицеръ: »вы ми́ добро, а не зло сдѣлали.«

— А хибá ви, добродію, сира́вді вели́кимъ па́номъ зробились? спрашивали козаки.

Но офицеръ нетерпѣливо желалъ видѣть свою мать, и козаки, окруживъ бричку, десяткомъ рукъ указывали косматому жи́ду и офицеру убогую хату вдовы Зарубанхи.

III.

Хата вдовы Зарубанхи спаслась какимъ-то чудомъ отъ пожара, истребившаго значительную часть Бѣртища. Отецъ Потаній,

тогдашній нашъ священникъ, предшественникъ отца Петра, стоя у себя на скирдѣ хлѣба, видѣлъ, какъ надъ этой хатой вилась бѣлая туча голубей, ярко рисуясь на бурныхъ и синеватыхъ клубкахъ дыма, валившаго изъ сосѣднихъ хатъ богатаго козака Очкура. »Но, по здоровъ размышленіи (говорилъ онъ), я нахожу, что то были не голуби, поелику бѣлизна ихъ превосходила сіянье снѣга въ солнечный день морозный, — то была бѣлая риза ангела-хранителя, котораго нашимъ грѣшнымъ очесамъ не возможно видѣть въ его истинномъ образѣ, то есть въ такомъ, какъ онъ изображенъ на сѣверныхъ вратахъ иконостаса, съ огненнымъ мечемъ въ десницѣ и въ желтыхъ сапогахъ, попирающихъ діавола.«

Какъ бы то ни было, только спасеніе вдовиной хаты признано было всѣми сосѣдами за чудо, и самъ отецъ Потаній сознавался, что, еслибъ эта убогая хата не стояла между пылающимъ козакомъ Очкуромъ и его собственною левадою, то не молотить бы ему въ ту осень хлѣбныхъ скирдъ: »мнози бо грѣси одержать мою утробу«, прибавлялъ со вздохомъ отецъ Потаній, къ истинному удивленію козаковъ, которые никакъ не могли допустить мысли, чтобъ нельзя было отомолиться *попу* отъ всѣхъ, рѣшительно отъ всѣхъ грѣховъ!

Итакъ хата вдовы Зарубанхи, и семь лѣтъ тому назадъ уже старая, теперь, въ сравненіи съ новыми сосѣдними постройками, казалась еще старѣе. Еслибъ покойный ея мужъ, козакъ Зарубай, не былъ лучший на селѣ кровельщикъ, то давно бы уже прогнила на ней солома, и осенніе дожди протекали бы сквозь крышу и потолокъ на голову несчастной, безпомощной, одинокой Зарубанхи. Но крыша была — точно кованная, и показывала свою древность только зеленымъ мохомъ, который раскинулся по ней красивыми, почти сплошными пластами, гуще къ краямъ и рѣже къ высокому дымарю. Всѣ-таки она надвинулась довольно угрюмо надъ бѣлыми стѣнами хаты и стѣней и надъ сѣрыми бревнами, изъ которыхъ сложена еще покойнымъ Зарубаемъ комора, въ одной связи съ стѣнами.

Комора была славная у Зарубанхи, съ деревяннымъ поломъ и стѣлею. Покойный мужъ ея съ тѣмъ и строилъ эту комору, что когда, Богъ дастъ, дождетъ онъ женить своего Поликарпа, тогда стѣнитъ только прорубить въ ней окна, и »противная хата« для него готова.

А всё-таки видно, что мужскія руки не побоятся на дворѣ у Зарубахи: все кругомъ обветшало, обвалилось и уже употребляется на топливо. Но, подобно тому, какъ солнце вдругъ прорѣжетъ осеннія тучи и ярче лѣтняго озаритъ мокрыя травы и трепещущія, ярко-желтыя и красныя листья на грушахъ, — такъ вѣсть о возвращеніи сына все озарила и измѣнила не только на печальномъ лицѣ старушки, но какъ-будто даже и на ея заросшемъ бурьянами дворѣ. Иными глазами взглянули теперь козаки и на убогую вдову, и на ея убогое и обветшалое двѣрище.

Сосѣднія дѣти давно уже набѣжали съ улицы въ ея хату и радостнымъ крикомъ возвѣстили ей, что воротился ея Поликарпъ. За этимъ милымъ, драгоценнымъ для нея словомъ, она не слышала другого слова, двадцать разъ повтореннаго дѣтьми: *офицеръ! офицеръ! офицеръ!* Она не повязала даже головы платкомъ, и въ домашнемъ очинкѣ выбѣжала за ворота.

Гдѣ же онъ? Неужели это ея Поликарпъ идетъ къ ней скорыми шагами, впереди дивующагося народа?... И уже, сквозь его новую, чужую для нея вѣтшность, она различаетъ его родныя для нея черты. Онъ оставилъ ее съ застывшими у ней на глазахъ слезами, застывшими именно потому, что взглядъ комиссара произвелъ на нее обычное свое дѣйствіе. Онъ воротился къ ней — и слезы ея теперь другія: ихъ озаряетъ радость, материнская радость, какъ яркое солнце осеннюю, еще живую и прекрасную природу.

Но какъ, однакожь, много отняли у ней эти семь лѣтъ! какими страшными чертами обозначились они на ея лицѣ! Въ первую минуту свиданія время и горе показываютъ намъ все, что они вмѣстѣ сдѣлали на миломъ для насъ образѣ; но когда, въ задушевной бесѣдѣ, близкій намъ человѣкъ выкажетъ передъ нами всю внутреннюю красоту свою, незримую для людей далекихъ, тогда на его вѣтшнемъ образѣ изглаживаются признаки физическаго разрушенія, и кажется намъ, что дорогое намъ существо никогда не разрушится.

То самое случилось и съ Поликарпомъ Зарубаемъ. Когда радостная мать ввела его въ хату и, расцѣловавши въ десятый разъ, отерла свои слезы, — ему показалось, что это только вчера онъ съ нею обѣдалъ и бесѣдовалъ о Катрѣ Дубівнѣ.

Сколько можетъ вынести человѣкъ! Еслибъ мы сами были не

люди, мы бы съ трудомъ повѣрили, что тотъ, кого сердечная боль заставляетъ биться объ землю, какъ билась эта несчастная вдова, что тотъ можетъ еще быть когда-нибудь радостенъ и бодръ тѣломъ и душою.

Дѣ, можетъ быть, въ жизни своей никогда еще не чувствовала такого счастья вдова Зарубанха, какъ въ этотъ день, — даже и въ весеннюю пору своей жизни, когда она была вся цвѣтъ и красота, а ея мужъ, давно уже похороненный отцемъ Потапѣмъ, тогда еще женихъ, вернулся съ Дону, ведя за собой помахиваніемъ батога чудесную паровицу ⁽¹⁾, и она встрѣтила его, по какому-то предчувствію, за селомъ, и онъ, щадя ея дѣвическую честь передъ чумаками, не сказалъ ей ни слова, но поднявъ правой рукой высокій, запыленный бриль и такъ ей поклонился, такъ поклонился... ну, этого никакими словами не расскажешь! И тогда она не была ни такъ счастлива, ни такъ молода сердцемъ, ни такъ добра ко всему міру, какъ теперь. Еслибъ комиссаръ явился теперь къ ней въ гости, — она бы и его встрѣтила, какъ родича. Но комиссаръ, яко человекъ великаго колѣна, по выраженію козаковъ, — никогда не удостоивалъ подобной чести простую хату, и если когда случалось ему по дѣламъ сидѣть *конецъ стола* у головы, то самъ голова докладывалъ ему о дѣлахъ, стоя у порога.

Зато пришли къ ней, въ качествѣ гостей, многіе сосѣди, чуждавшіеся прежде убогой и унылой хаты; пришелъ и самъ богачъ Очкуръ, держа передъ собой накрытаго полами балованнаго сына Семенка, родившагося на преподобнаго Симеона юродиваго, въ томъ самый день, какъ Поликарпа Зарубая заковали въ рекрутскіе кандалы. Козакъ Очкуръ отеръ одну, а можетъ быть и другую слезу по этому случаю, тронувшему его родительское сердце, но, въ отсутствіе Поликарпа, не одинъ разъ далъ бѣдной вдовѣ почувствовать сосѣдство богатаго двора. Какъ-бы угадывая, что вдова Зарубанха теперь не попрекнетъ его ничѣмъ, онъ пришелъ къ ней, какъ ни въ чемъ не бывалъ, и, вынудъ изъ-за пазухи завернутую въ бѣлую хустку паляницу, положилъ на столѣ. Это значило, что онъ не случайно зашелъ къ ней въ хату, но какъ равный къ равному, въ качествѣ гостя. Явилось у вдовы на столѣ

(1) *Паровица* — возъ, запряженный парюю воловъ.

и еще вѣсколько почетныхъ паляницъ, и вдова, усадивъ своего милаго — и притомъ чиновнаго — сына конецъ стола, протерла чистою тряпкою свою и безъ того чистую лавку для пришедшихъ на ея радость сосѣдей.

Сынъ, помня обычаи предковъ, досталъ было уже изъ кармана кошелекъ, чтобъ послать за горілкою, но мать остановила его.

— Я, слава Богу, не лежала лежнемъ, не гуляла по шинкахъ. Про мою нѣжду и для шанобѣ добрыхъ людей, найдется въ мене въ гаманцѣ конійка.

И уже быстроногая сосѣдняя дѣвочка летѣла во весь духъ къ шинкарю Остану, мудрейшему изъ смертныхъ во всемъ Буртищѣ, умѣвшему разчесть, сколько въ году часовъ, а въ сотиѣ рублей и копеекъ, на что не хватало премудрости и у волостного писаря.

IV.

Между тѣмъ жидъ, обладатель уродливой будки и четверни невообразимо тощихъ клячъ, гонимыхъ нечистою силою, навьючился офицерскимъ добромъ и тащилъ его въ хату. То были ситцевыя подушки, березовые чубуки, огромный кисетъ съ кисточками по угламъ и съ вышитой на немъ собакою, пестрый арха Лукъ и еще множество другихъ мелочей, которыя трудно было рассмотреть съ перваго взгляда. Да никто въ это добро и не всматривался, потому что всѣхъ поразила, какъ молнія, одна мысль: неужели некрещеный жидъ войдетъ въ хату въ своей косматой шапкѣ, какъ-будто... Духъ святой съ нами! Неужели мало того, что офицерская собака пробралась между ногъ почтенной компаніи и улеглась подъ лавкою у самыхъ каблуконъ его благородія?... Всѣ оцѣненъли отъ этой мысли; но, какъ дѣло ближе всего касалось вдовы Зарубахи, то она первая и опомнилась отъ изумленія и страха.

— Тю, къ нечистій матері, не при хаті споминяючи! вскрикнула она. — Гляньте, люде добрі, нечистий жидюга прѣтця въ хату!

Тутъ, кто сидѣлъ поближе къ порогу, бросились защищать

святыню хаты, и въ самую пору отѣснили жида съ ситцевыми подушками и чубуками. Офицерское добро перетаскано было въ хату дюжими паробками, которые, изъ почтенія къ своимъ отцамъ и матерямъ, оставались до сихъ поръ въ сѣняхъ и смотрѣли оттуда въ дверь на офицера.

Жидъ очень оскорбился грубымъ приѣмомъ въ козачей хатѣ и сказалъ, что онъ бывалъ и въ панскихъ домахъ, на второмъ и даже на третьемъ этажѣ.

— То панскіи домъ, а се христіанская чѣсная хата! отвѣчали ему кротко паробки. — Ми бѣ и собаки не впустили, да только, що офицѣрська собака.

Жидъ еще больше оскорбился кроткимъ отвѣтомъ паробковъ и прибѣгнувъ къ своему натуральному мщенію: онъ громко и немедленно требовалъ отъ офицера денегъ, стоя въ сѣняхъ въ своей косматой рыжей шапкѣ и держа въ рукѣ коротенькую плетъ на длинномъ кнутовищѣ.

Паробки бдительно охраняли хатній порогъ, и офицеръ передалъ деньги жиду черезъ десятокъ рукъ.

Тотъ сосчиталъ ихъ, увидѣлъ, что есть и прибавка, и, не сказавъ ни добраго, ни худого, молча отправился къ своимъ лошадямъ, въ сопровожденіи паробковъ, которые объяснили тутъ же хлопчикамъ и дѣвчатамъ, что жидъ своихъ коней никогда не кормитъ, а только поитъ, и что нечистая сила гонитъ ихъ по 70 и по 90 верстъ въ сутки.

Вслѣдствіе этого объясненія, хлопчики и дѣвчата, обступивъ жида и его бричку съ лошадьми, спрашивали въ десятокъ голосовъ:

— Жиді! а на що ви Христа замучили?

Другой десятокъ голосовъ кричалъ:

— Жиде! жиде! свиняче ўхо! чи не хочешъ поросятини?

Третій десятокъ голосовъ еще звонче кричалъ:

— Жиде! жиде! а давнѣ твого батька ханѣнь ухонѣвъ?

Бѣдный потомокъ воиновъ, разрушавшихъ одними трубными звуками городскія стѣны, готовъ былъ, казалось, разорваться отъ досады на свое безсиліе, и его плетъ на длинномъ кнутовищѣ такъ и вилаась у него въ рукахъ, точно змѣя, готовая ужалить. Но рослые паробки, въ новыхъ свиткахъ и огромныхъ сапогахъ, стояли съ такимъ величавымъ спокойствіемъ въ арріергардѣ дѣтскаго опол-

ченія, что его измельчавшая душа опускалась въ немъ, замѣтно для него самого, ниже груди и «даже зивота»! Все, что могъ онъ сдѣлать, такъ это плюнуть, вскочить на козла и погнать своихъ тощихъ клячъ такъ быстро, что дѣти остались въ несомнѣнномъ убѣжденіи на счетъ нечистой силы.

Этимъ, однакожъ, онъ не отдѣлался. Гикалъ и व्यюкалъ онъ на свою четверню изъ всѣхъ силъ; четверня неслась въ пыли, какъ сумасшедшая; опорожненная будка звякала и стучала безбожно. Жидъ не могъ слышать вокругъ себя ничего, кромѣ грохота собственной колесницы; но онъ видѣлъ, какъ хлопчики и даже взрослые паробки, у другихъ хатъ, махали ему концами своихъ полъ, свернутыми на подобіе свиного уха; онъ видѣлъ, какъ дѣвчѣтка, впереди его, чертили на песокъ кресты; онъ видѣлъ, какъ степенные молодцы, идучи отъ колодязя съ полными ведрами, нарочно останавливались, чтобъ не перейти ему дороги, а тѣ, у которыхъ было надѣто на конецъ коромысла два пустыхъ ведра, то и дѣло шмыгали передъ нимъ перерегъ дороги ⁽¹⁾. Еслибъ у него не висѣло сбоку брѣшки желѣзное дырявое ведро, то можно сказать навѣрное, что ему никто на селѣ не далъ бы ведра напонтъ лошадей. Жидъ и откупщикъ, жидъ и обманщикъ, жидъ и врагъ всякаго добраго человѣка — въ Буртицѣ значило одно и то же. О жидахъ, еще со временъ польскаго ига, ходитъ у насъ въ народѣ множество возмутительныхъ воспоминаній. Невѣжество и суевѣріе облекли, большею частію, эти воспоминанія въ чудовищныя или фантастическія сцены; но въ основаніи вымысловъ лежитъ всё-таки память, что жида, въ рукахъ пановъ и іезуитовъ, были самымъ ужаснымъ орудіемъ порабощенія и грабежа слабыхъ и беззащитныхъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. При помощи этого безжалостнаго къ народу орудія, Ляхи или, что одно и то же, паны въ Украинѣ поселили къ себѣ въ народѣ такую страшную ненависть, что въ XVII вѣкѣ умирающій ребенокъ говорилъ: *Мамо, закрій мені очи, щобъ мені на того поганого Ляха не дивітись!* А растравленные польскими панами на народѣ жида и послѣ гибели своихъ высоко-

(1) Кому встрѣтятся полныя ведра на дорогѣ, того ожидаетъ успѣхъ въ предпріятіи. Желая счастья отправляющемуся въ путь, нарочно переходятъ дорогу съ полными ведрами. Встрѣча съ порожними ведрами предвѣщаетъ неудачу.

родныхъ патроновъ не переставали изъ рода въ родъ упражнять-ся на Украинѣ въ искусствѣ обмана, коварства и предательства. Что же тутъ мудренаго, если потомки Небабъ и Морозенковъ гнушаются прикосновеніемъ къ жидамъ, а малыя дѣти преслѣдуютъ его насмѣшками и ругательствами? Устами ихъ говорить исторія, которая одна осталась Украинцу въ наслѣдство отъ его предковъ....

V.

Въ то самое время, когда мстительныя насмѣшки и ругательства провожали, отъ хаты вдовы Зарубахи до самой цѣрины ⁽¹⁾ въ поле, косматую фигуру такъ называемаго фурмана (названіе, присвоенное лучшему классу еврейской общины, ямщикамъ), въ сѣняхъ, а потомъ и въ хатѣ вдовы Зарубахи, появилась другая косматая фигура, и въ добавокъ еще неопрятная, если неопрятностью слѣдуетъ назвать то, что на ней былъ засаленный нанковый балахонъ, препоясанный широкимъ, шитымъ разноцвѣтными гарусами поясомъ, уже давно полинялымъ и многожды закапаннымъ во время питія и яденія. Но паробки, стоявшіе въ сѣняхъ, разступились передъ этой фигурой, снабженной большимъ крючковатымъ носомъ и парюю глазъ, которыя какъ будто притаились по обѣимъ сторонамъ его въ узкихъ щелочкахъ, что придавало всему его лицу видъ хаты, которой хозяинъ закрылъ оконницы отъ мухъ и улегся послѣ обѣда спать. Эта послѣдняя особенность, довольно обыкновенная въ нашемъ уѣздѣ между высшимъ, совершенно обезпеченнымъ сословіемъ, не поражала нисколько общества, собравшагося у вдовы Зарубахи. Что касается собственно до офицера, то онъ почтительно поднялся съ своего мѣста и, перемѣстивъ чубукъ изъ одной руки въ другую, просилъ молчаливымъ движеніемъ руки и наклономъ всего корпуса такъ называемаго благословенія у нанковаго балахона. Но нанковый балахонъ, поднявъ обѣ растопыренныя руки свои къ собственнымъ плечамъ съ видомъ отрицанія, а главу склонивъ немного на сторону, произнесъ трогательнымъ голосомъ:

(1) Цѣрина — ворота на концѣ села.

— Не благословляю!

Эти жесты и это неожиданное слово привели офицера въ такое изумленіе, что онъ долго бы еще не опустился на лавку, еслибъ сосѣдніе козаки не сказали, сложась по слову:

»Эгѣ, Поликарпъ Ивановичъ! нашего отця Потана посадили на лідъ, чи якъ би то вамъ сказати?... трѣшки осунули... а попросту изъ попивъ да въ дякі.«

— Истинно! сказала эта странная персона, которую козаки снисходительно называли отцемъ Потапиемъ. Врагъ рода человѣческаго посрамилъ мою старость. Состою теперь заштатнымъ дячкомъ при церкви Вознесенія Господня. Если позволите облобызать себя, почту за честь.

Офицеръ позволилъ облобызать себя и, потомъ опустясь на лавку, совѣтился за бывшаго отца Потапія, котораго козаки единственно по привычкѣ продолжали звать отцемъ Потапомъ. Но бывший отецъ Потапій, у котораго глаза обозначались токмо узкими щелочками, по-видимому не зналъ, что значить совѣститься. Онъ занялъ мѣсто по другую сторону стола, на лавкѣ, и спокойно гладилъ свою рыжую бороду.

Между тѣмъ богатый на все село козакъ Очкуръ, сидя на другой лавкѣ, рядомъ съ офицеромъ, и держа передъ собой между ногъ балованнаго сынка, продолжалъ:

»Эгѣ, отче Потапе! ми вамъ казали, що вимагання ваше не доведѣ васъ до добра. А лѣчче бѣ було живитьця зъ міру чѣсно.«

— Суетно слово твое, Миронъ Петровичъ! отвѣчалъ засаленный и очевидно опустившійся бывший отецъ Потапій. — Не мое вымоганье меня низвергло, а вымоганье свыше. Сказалъ бы я тебѣ и больше, *да нічъ у хати*⁽¹⁾. Но имѣй уши слышати да слышитъ. Распустили вы суетную славу о моемъ богатствѣ и тѣмъ самымъ повергли меня въ бездну золь. А у меня всего богатства — бочка горілки въ коморѣ. Вашего жъ брата, не кого другаго угощаль по своему благодущію, а вы — возвеличили на мя запинаніе! Погибаю отъ щедроты руки своей, не отъ чего инаго, Поликарпъ Ивановичъ! обратился онъ къ офицеру.

»Ні, отче Потапе!« сказалъ другой козакъ, »ви намъ не до-

(1) Этими словами выражаютъ у насъ невозможность высказаться, по причинѣ опасности со стороны властей, или возбѣжаніе другихъ непріятностей.

рікайте чаркою горілки. Чарку горілки знайшли бѣ ми и въ сѣбе въ господі, а коли що, то й до Остапа не далѣко. Та бочка горілки стала вамъ за дѣсять. Хибѣ маю ми вамъ переробили діла толокою? И двірѣ вамъ своїмъ коштомъ обстроили, и леваду, такъ якъ тому комисѣру, обгородили.»

— Обгородили! перебилъ бывшій отецъ Поташій съ неудовольствіемъ. — Лучше бѣ она пустыремъ стояла!

»Отсѣ тобі попівська дяка!« сказалъ одинъ сосѣдъ другому.

— Чомъ же се такъ? спросилъ козакъ Очкуръ.

Бывшій отецъ Поташій повурился: ему не хотѣлось отвѣчать; но онъ отвѣчалъ, однакожъ:

»Пошла мнѣ въ прокъ ваша огорожа! теперь продаю леваду.«

— Продаетѣ! що жѣ ви за неі хочете?

Этотъ вопросъ предложилъ козакъ Очкуръ, не пропускавшій случая прикупить земли.

»Сто и пятьдесятъ.«

— Дорого, отче Поташе! А ривно дамъ.

»Ривно! такъ ровнять добре!«

— Ну, дѣсять на сто накинѣ.

Этотъ разговоръ, для насъ довольно скучный, заинтересовалъ офицера такъ, что онъ началъ дымить Жуковымъ больше обыкновеннаго.

»Нѣтъ, накидай больше, коли хочешь.«

— Пятнадцатъ, отче Поташе!

»Тридцать-пять.«

— Сімнадцатъ, отче Поташе!

»Тридцать-три.«

— Вісімнадцатъ съ копою!

»Тридцать-три безъ копы.«

Видно было человѣку опытному, что продавецъ и покупатель осторожно приближаются къ цѣнѣ, которую одинъ готовъ взять, а другой — дать, и всѣ сколько-нибудь проницательные люди угадывали, что эта цѣна — 125 цѣлковыхъ.

— Двадцать! сказалъ козакъ Очкуръ, погладивъ сына по головкѣ своею мускулистою, работающею рукою.

»Тридцать-два.«

— Двадцать съ копою!

»Тридцать-одинъ.«

— Ні бо, óтче Потáпе! ви збавля́йте по-лю́дськи.

»Ну, тридцать«, сказа́лъ бывші́й отецъ Потáпій. »Еще ли тебѣ не по-лю́дски, Миронъ Петровичъ?«

— Беріть двáдцять и одíнь!

»Не возму и двáдцати-девяти съ копо́ю.«

— Эй, беріть, óтче Потáпе! говори́лъ коза́къ Очку́ръ такимъ тономъ, какъ-будто левада у́бѣжитъ куда-нибу́дь изъ села.

»Тридцать.... Тридцать дней въ мѣсяцѣ и за тридцать сребренниковъ....«

Но тутъ бывші́й отецъ Потáпій кашляну́лъ и сказа́лъ только :

— Цѣна законная!

»Двáдцять-одíнь и копа́!«

Бывші́й отецъ Потáпій кивну́лъ отрицательно головою.

Офице́ръ жестоко потяну́лъ Жу́кова.

— Ну, двáдцять-два, да й го́ді!

»Хиба́ що го́ді!« отвѣча́лъ равнодушно бывші́й отецъ Потáпій.

— Що́ жъ ви робі́тимете съ тíми, якъ ви ка́жете, сребренниками?

»Миронъ Петровичъ!« сказа́лъ строго бывші́й отецъ Потáпій, вообразивъ, что ему намекаю́тъ на Искаріота.

Но коза́къ Очку́ръ далеко не былъ такъ гру́бъ, чтобы швырнуть камне́мъ въ челове́ка беззащитнаго. Ему только хотѣ́лось удержа́ть за собою́ славу хорошаго хозяина, который знаетъ цѣ́ну веща́мъ и не заплати́тъ ни копейки лишняго. Упорство обладателя завидной для него левады, остановившееся на тридцати, пугало его, какъ естественная грань пугаетъ завоевателя. Еслибъ ему сбить бывшаго попа только съ этой грани хоть на одну ко́пу, тогда ужъ естественно цѣ́на левады спустится мало-по малу до 25 рублей сверхъ сотни. Но офицерская трубка уже хрипитъ, и этотъ хрипъ смущаетъ догадливаго Очку́ра.

»Двáдцять-два съ копо́ю!« вскрича́лъ онъ съ ожесточеніемъ.

»Ну, уступа́йте жъ, óтче Потáпе, хоть ко́пу! Ну, ко́пу, ко́пу!«

— Дивны дѣ́ла твои, Миронъ Петровичъ! Ну, что́ для тебя значить ко́па? сказа́лъ бывші́й отецъ Потáпій, радуясь съ своей стороны, что на 125 рубляхъ дѣ́ло рѣшится. Онъ поступа́лъ въ этомъ случа́ѣ подобно кокетливой поселянкѣ, которой сердце давно уже принадлежитъ искателю, но, изъ удовольствія помучить не-

терпѣливаго счастливца, она отворачивается и принимает равнодушный видъ.

»Такъ уступайте копу, ѳче Потане?

— Ну, пожалуй, копу уступаю.

»А я прибавлю копу. Двадцать-три!«

— Ну, прибавка! Стыдился бѣ ты, Миронъ Петровичъ, попусту время терять. Скажу тебѣ прямо: 28 да и шабашъ! Въ февралѣ 28 дней, а меньше того — ни въ единомъ мѣсяцѣ.

»Дождитесь же февраля, ѳче Потане! а теперѣ я вамъ даю двадцать-три съ копою.«

— Уже ты всѣмъ надобѣлъ своими копами, Миронъ Петровичъ!

»Ну, рівно двадцать-чотіри, послѣднее слово!«

— Двацать-семь, послѣднее слово.

При этомъ офицерская трубка страшно захрипѣла, и уже не Жуковъ, а какой-нибудь Мусатовъ 4-го сорта вылеталъ изъ березоваго чубука.

Три рубля, всего три рубля раздѣляли сражающихся, и офицеръ того только и ждалъ, что они хлопнуть по рукамъ. Но всѣ прочіе слушатели, кромѣ балованнаго хлопчика, были увѣрены, что хлопнуть по рукамъ можно было только на 125 рубляхъ, въ чемъ не сомнѣвались взаимно и торгующіеся. Вдругъ офицеръ, выпустивъ изъ рта самый нестерпимый табачный смрадъ, сказалъ:

»Я даю!«

Всѣ прикипѣли къ своимъ мѣстамъ отъ изумленія, кромѣ великаго знатока въ людяхъ и въ вещахъ, козака Очкура, который потому именно и торговался такъ рѣшительно, что съ разу почувялъ близость соперника. Не воротись изъ службы Поликарпъ Зарубаенко въ офицерскомъ образѣ, онъ бы спокойно выслушалъ желаніе бывшаго отца Потанія продать леваду и повелѣ бы дѣло такъ искусно, что попова левада досталась бы ему во 120 рубляхъ, никакъ не болѣе.

— Я даю 127 за леваду! произнесъ безтрепетно герой дня, къ неописанному восторгу старушки матери, и тутъ же вынулъ изъ бокового кармана задатокъ.

»А я даю 128!« вскричалъ козакъ Очкуръ, доставая изъ шароваръ кожаный гаманъ.

— А я 129! сказалъ офицеръ.

»А я 130!«

— А я 131!

Тутъ ужъ козакъ Очкуръ, при всемъ своемъ богатствѣ, долженъ былъ уступить, чтобъ спасти хозяйственную свою славу, а торжествующій бывшій отецъ Потаній принялъ задатокъ.

VI.

Въ самую пору явилась на столъ горілка. Счастливая хозяйка, наливъ первую чарку, возвысила голосъ такъ торжественно, что даже паробки и дівчата, смотрѣвшіе изъ сѣней на офицера, перестали между собой пихаться, перекидываться шутками и умѣренно, такъ сказать шепотомъ, хохотать.

У насъ, въ Бѣртицѣ, выпить въ компаніи чарку горілки вовсе не значить влить въ ротъ, проглотить и крикнуть, какъ дѣлаютъ солдаты или извозчики, которые имѣютъ обыкновеніе еще сморщить лицо и плюнуть. У насъ это значить — произнести нѣсколько такихъ словъ, которыя другимъ было бы и пріятно и поучительно слушать. Вдова Зарубанха вспомнула за чаркою всю свою одинокую жизнь, отозвалась съ благодарностью о тѣхъ, кто ее не забывалъ (хотя этихъ немногихъ людей, большею частью такихъ же, какъ и она, бѣдняжекъ, и не было въ числѣ ея гостей), о своихъ же притѣснителяхъ, не называя ихъ по имени, сказала пословицу: *Ворога хлібомъ да сіллю карай!* что заставило нѣкоторыхъ потупиться въ землю; наконецъ возблагодарила Бога за свою радость, глядя на свои убогіе и во многихъ мѣстахъ облупившіеся образа, и тогда, вспомнивъ еще покойнаго мужа и своихъ родителей и пославъ имъ на тотъ свѣтъ самое пріятное для нихъ желаніе, выпила чарку въ нѣсколько пріемовъ, при чемъ съ похвалою отозвалась о шинкарѣ Остапѣ, что у него добрая горілка и что Остапъ никогда плохой горілки продавать не станетъ.

Послѣ этого, чарка перешла къ герою дня, и со стороны было бы странно наблюдать, что герой дня ограничился сухимъ желаніемъ здоровья матери и всей компаніи, а потомъ проглотилъ водку съ такимъ видомъ, съ какимъ лежавшая у его ногъ собака глотала мухъ. Но никто изъ присутствовавшихъ этому не дивился, такъ какъ въ немъ каждый видѣлъ уже человѣка бла-

городнаго, а не своего брата козака, слѣдовательно и обычаи, и всѣ приемы у него должны быть по возможности не похожи на простонародные. Онъ даже не скривился и не плюнулъ, какъ дѣлаютъ солдаты и извозчики. Онъ выпилъ водки не хуже комиссара, который рѣшительно не выражалъ на своемъ спокойномъ и грозномъ лицѣ, горько или нѣтъ у него во рту.

Паробки, глядя изъ сѣней на Зарубаенка, замѣтили между собою:

— Мабуть, у великихъ баталіяхъ бувавъ!

Что касается до бывшаго отца Потанія, то онъ, по своему званію, осѣнилъ чарку крестнымъ знаменіемъ, чтобы въ горилкѣ не притаился какъ-нибудь діаволъ, и тогда уже спокойно выпилъ ее, какъ воду. Только глаза его выглянули немного больше прежняго изъ своихъ скважинокъ, сверкнули веселою искрою и снова спрятались, предоставляя остальнымъ частямъ лица имѣть какое угодно выраженіе, или не имѣть его вовсе.

Наблюдательные паробки замѣтили въ полъ-голоса:

— Бѣде твой левада въ кишѣні у Останѣ, ѳче Потанѣ!

Козакъ Очкуръ оказался за чаркою очень разумнымъ и краснорѣчивымъ человѣкомъ, не меньше вдовы Зарубаихи. Въ его словахъ не было и слѣда досады, что попова левада досталась не ему. Онъ добывалъ свои деньги мозольнымъ трудомъ и зналъ имъ цѣну. Притомъ же слава великаго хозяина была для него слишкомъ дорога.

Чарка пошла въ круговую, и молодницы доказали своими приговариваньями, что онѣ уступаютъ мужьямъ своимъ въ философіи, но далеко превосходятъ ихъ въ поэзии.

Молодежь, стоя въ сѣняхъ безъ всякой претензіи на участіе въ гостепріимствѣ, поучались у своихъ отцовъ и матерей нравоучительнымъ и приличнымъ случаю выраженіямъ.

Незнакомый коротко съ нравами и обычаями села Буртища, можетъ найти невѣроятнымъ, что до сихъ поръ ни мать и никто другой не спросилъ у нашего героя, какъ это ему Богъ далъ выдти въ люди, и надолго ли онъ пріѣхалъ къ матери въ гости? Но такового я прошу положиться на вѣрность моего разсказа о томъ, чему иначе и быть не возможно. Мать предложила сыну, что у ней было съѣдомаго, и только когда онъ удовлетворилъ голодъ, она нашла удобнымъ и приличнымъ приступить къ нему

съ разспросами. Тогда говоръ смѣнился въ хатѣ тишиною, хотя никто не требовалъ молчанія, и даже стоявшей въ сѣняхъ молодежи слышно было, что говоритъ офицеръ.

VII.

— Взяли меня изъ рекрутской партіи въ дивизию, началъ Поликарпъ Зарубаенко, называвшій себя теперь уже Зарубаевымъ. — Ну, взяли въ дивизию.... То есть не одного меня, а стало быть много насъ новобранцевъ, стало быть рекрутовъ этакихъ необученныхъ. Вотъ, взяли меня въ дивизию....

»А що жъ то за дивизія такая?« спросила мать.

— Ты бо, Параскевія.... якъ тебѣ по отчеству... не перебивай! остановилъ ее бывший отецъ Потаній.

»Ні, вже ви мені не перебивайте!« отвѣчала она съ нѣкоторой досадою. — Я хочу роспитать свою дитину, якъ вонó тамъ страждало. А пань-отця мого вамъ би можна, здається, знать, якъ ёго звали.»

Очевидно, въ душѣ бѣдной вдовы заговорило негодованіе на власть, которую имѣлъ надъ нею до сихъ поръ каждый, кто посильнѣе.

— Нельзя мнѣ помнить каждаго, Параскевія, кого мнѣ удалось похоронить во времена моего благоденствія, отвѣчалъ со вздохомъ бывший отецъ Потаній.

»Помнить каждаго!« повторила его слова Зарубанха. »Да хибá жъ каждый ратовавъ васъ одъ смѣрти?«

— А твой же, Параскевія... якъ тебе... твой отецъ развѣ отъ смерти меня спасъ?

»А вже жъ спасъ!«

— Не помню! воистину не помню!

»Тó-то й есть, óтче Потапе!« сказала съ упрекомъ вдова.

Бывшій отецъ Потаній обратился къ слушателямъ съ простертыми руками, въ знакъ удивленія и вопроса.

Тѣ переглянулись между собой и засмѣялись, такъ какъ извѣстно было каждому, что бывший отецъ Потаній, еще во времена своего благоденствія, возвращаясь ночью отъ головы, хотѣлъ обойти уличную лужу и для этого повернулъ на дворъ къ

козаку Зарубаю, а оттуда вознамѣрился перелѣзть черезъ новый плетень въ собственную леваду. Но, такъ какъ голова угостилъ его доброй варенухой, то и случилось, что колья плетня попали въ голенища отца Потанія, а его глава и весь корпусъ повисли въ бурьянѣ, на ту сторону онаго плетня. Отецъ Параски Зарубаихи, проживавшій на ту пору у дочери въ качествѣ бондаря, всталъ раньше всѣхъ, какъ это водится у старыхъ людей, и, вышедъ на дворъ, увидѣлъ сквозь мглу разсвѣта пару сапоговъ на плетнѣ. Онъ столько же удивился этой находкѣ, сколько и обрадовался, потому что швецъ Оврамъ, взявши у него голенища, чтобы сдѣлать къ нимъ пришвы, заложилъ ихъ шинкарю Остапу, и не извѣстно, когда былъ въ состояніи выкупить. Старикъ поспѣшилъ снять съ плетня чоботы, но въ чоботахъ оказались ноги, а вмѣстѣ съ ногами открытъ былъ и ихъ хозяинъ, уже безъ памяти и на волосокъ отъ смерти.

Вотъ на какое обстоятельство намекнула вдова Зарубаиха, и ея слушатели такъ искренно смѣялись, покачивая одинъ передъ другимъ головою, что бывшему отцу Потанію, по закону природы, слѣдовало бы хоть немножко смутиться; но бывший отецъ Потаній не подлежалъ сему закону еще со временъ своей юности, когда сопровождалъ бывало свою матушку по всѣмъ хатамъ на селѣ для взиманія извѣстной части всего, что только подлежало дѣленію.

Офицеръ тоже вспомнилъ, какъ его дѣдъ спасъ отъ смерти бывшаго отца Потанія, и тоже не могъ не засмѣяться вмѣстѣ съ другими. А въ сѣняхъ, между молодежью, слышенъ былъ даже сдержанный хохотъ. Но лицо бывшаго отца Потанія, съ своими щелочками вмѣсто глазъ, похоже было на затворенную кругомъ хату, которой хозяинъ спитъ или неизвѣстно что дѣлаетъ.

Видя это какъ нельзя яснѣе, офицеръ пересталъ за него совѣститься и продолжалъ:

— Дивизія, матушка, это — такое начальство, или... какъ бы вамъ сказать... ну, словомъ — дивизія! Тамъ и генералъ особый, дивизионный, и все такое.... Но это само по себѣ, а вотъ главное. Изъ дивизіи погнали насъ далѣе. То есть ранжиръ этакой сдѣлалъ, какой ростъ, какое что, и погнали. Ну, погнали... (тутъ офицеръ высѣкъ огня и закурилъ трубку). Вотъ, какъ погнали насъ далѣе, — гонятъ насъ въ самую стало быть въ столицу.

Тамъ этакой Санктъ-Петербургъ есть, стало быть большущій городъ. Сказано — бурхъ!

»Охъ лішечко!« говорила старушка, сидя противъ него у стола на ослонѣ и подперши рукою щеку.

— Это ничего, Параскевія... якъ тебе по отчеству, сказалъ бывшій отецъ Потаній. — Въ столицѣ дѣло жить: тамъ, я слышалъ, дьячекъ получаетъ за похороны больше здѣшняго іерея.

»Вашому брату, ѳтче Потане, всюди дѣло!« сказала вдова. »А мой дитіна, мабуть, приняла тамъ холоду и голоду.«

— Нѣтъ, матушка, ничего, сказалъ офицеръ. — Холоду правда, что натерѣлся, а сытъ былъ завсегда. Только дорогою, какъ туда еще насъ гнали, партіонный офицеръ маленько насъ... то есть этакъ приморилъ... стало быть выгоду свою соблюдалъ.

»Это уже такъ слѣдуетъ«, замѣтилъ бывшій отецъ Потаній.

— Дѣло, ужъ на то офицеръ, матушка, подтвердилъ Поликарпъ Зарубаенко

»Милосѣрдный Бѣже!« воскликнула старушка. »Такъ и ты, мій синочку, моривъ чужихъ дѣтей голодомъ?«

— Нѣтъ, матушка, что голодъ? храбро отвѣчалъ сынъ. — Голодомъ у насъ не морили. Но этакъ... хозяйственнымъ способомъ... ну, словомъ — свою выгоду... На то ужъ начальство. Это ужъ всему свѣту извѣстно. Но объ этомъ что толковать? Дѣло служебное, — не то, что сосѣдъ съ сосѣдомъ въ деревнѣ. Здѣсь особая статья, а тамъ особая. Вотъ, матушка, и пригнали насъ этакъ въ столицу. Ну, пригнали, — въ гвардію меня вписали, въ этакіе Преображенцы стало быть....

»А что жъ то такѣ за гвардія, синочку?« спросила мать.

— Гвардія, матушка, это... какъ бы вамъ сказать... это такіе отборные солдаты, рослые и все такое... ну, словомъ гвардія! Вотъ, какъ вписали меня въ гвардію, сталъ я служить. Учить меня стали и все такое прочее. Вотъ я и служу годъ и два, и три....

»И важка жъ та служба, синочку?«

— Сперва фухтелями, матушка, докучали, а потомъ видятъ — обтерѣлся, и полно колотить.

»Такъ тебѣ й бѣло тамъ, синочку? Хибѣ жъ ты по шинкамъ зъ гора блукѣвъ, чи що?«

— Нѣтъ, матушка, въ ротъ не бралъ, — не за что. Начальство лишній паясъ и все такое прочее для своихъ надобностей удерживаетъ. Сказано — начальство. Жить надо прилично: съ нихъ тоже взыскиваютъ. Чтобы и карета была, и всякая этакая фанаберія... ну, понимаете.

»А за що жъ тебѣ бѣто?«

— Собственно за-для-ради службы, матушка.

»Хиба жъ ти їх не слѣхавъ? Ти жъ у мене бувъ такий слухвѣний да звичайний зъ-малечку!«

— Какъ не слушалъ, матушка? Хе-хе-хе, матушка!

И офицеръ слегка засмѣялся, покачавъ головой по-украински.

Бывшій отецъ Потаній тоже ослабилъ свои уста и, поглаживая бороду свою, произнесъ:

»Тамъ за непослушаніе, Параскевія... якъ бо тебе по отчеству?«

— Да Омѣлькомъ же могó панъ-отця звали! вскричала, оглянувшись на него, вдова.

»Ну дóбре, Параскевія Емельяновна... теперь я буду знать. За непослушаніе и строптивость и у насъ въ бурсѣ сокрушали юношей до изнеможенія. Я самъ бывалъ наказуемъ такъ сказать жестоко уже передъ выпускомъ изъ богословія, хотя строптивость моя заключалась токмо въ невоздержаніи.«

— Такъ за що жъ тебѣ, сѣночку, мучили недолѣдки? продолжала допросъ вдова.

»Нѣтъ, матушка«, говорилъ офицеръ, »меня никто не мучилъ, а только къ службѣ приучали. Обтерпѣлся — и баста колотить! Это ужъ такъ заведено. На то и служба, матушка. Хуже всего, что бранятся бывало жестоко. Къ брани никакъ нельзя было привыкнуть. Всѣ мать да мать! Это, матушка, точно было больно. А шкура вѣдь своя, не покупная.«

— Бóже мій! Гóсподи мій! говорила вдова. — Одорвуть одъ матері бѣдну дитину, да ще й....

Она не могла договорить и залилась слезами.

— Полно, матушка, плакать! сказалъ офицеръ. — За ваши молитвы Богъ меня не оставилъ.

»Истинно!« сказалъ бывшій отецъ Потаній. »Всякое воскресенье я получалъ отъ вашей матушки на часточку исправно. А нынешнему попу хоть и не давайте, Параскевія... якъ бо васъ... да, Емельяновна.«

И, понизивъ голосъ, продолжалъ:

»Въ карты играетъ. Не услышитъ Господь его молитвы.«

— Мáло чого й ви не робили, óтче Потáпе, отвѣчала вдова, — а Бóга одъ насъ не закрили!

Между тѣмъ офицеръ продолжалъ:

— Такъ вотъ я, матушка, этакъ и служу. Колотить меня перестали, сдѣлали унтеръ-офицеромъ. Стало быть начальство полюбило, что молодецъ изъ себя. Тутъ ужъ я самъ началъ кой-кого школить....

»И люде́й бить?« воскликнула мать.

— Не людей, матушка, а солдатъ.

»Зá що?«

— Какъ за чтó, матушка? Это у васъ въ деревнѣ не за что колотить; а тамъ, понимаете? тамъ — держи ухо востро!... Безъ этого и службы никакой не будетъ.

»Именно!« сказалъ бывший отецъ Потаній.

— Знаете, выправка и все такое... ну, какъ водится на службѣ. Безъ этого уже нельзя. И солдаты не будутъ бояться.

»Именно!« подтвердилъ бывший отецъ Потаній.

— Да нá що жъ імъ тебѣ бояться, сýночку? абі́ слұхали!

»Тó слұшаться, матушка... о томъ ужъ и толковать нечего; а бояться — особъ статья. Безъ страху — чтó за служба? Бывало унтеръ-офицеръ гикнетъ — все у тебя въ душѣ замретъ: вотъ она команда-то!«

— Именно! сказалъ съ сочувствіемъ бывший отецъ Потаній.

»Такъ и начальство, матушка, учило насъ. Затѣмъ и въ унтера произведенъ, что изъ себя видный и голосъ хорошъ. Бывало, крикну на одномъ концѣ развода, а на другомъ слышно. Вотъ онъ командиръ-то! Изъ этакихъ и въ генералы выходили.«

— Ужé нічого сказа́ть, Полика́рпъ Ива́новичъ, вмѣшался въ разговоръ козакъ Очкуръ, яко почетнѣйшій изъ гостей, послѣ бывшего отца Потанія. — Було́ йдетé зъ вечорни́ць, то по всёму селу́ чу́тно́ ва́шу пі́сню.

Прочіе дивовались безмолвно, или выражали свои чувства въ полъ-голоса краткими восклицаніями, въ родѣ слѣдующихъ: »Эгé, такъ-то Богъ даé!« — »Щó-то ма́терина моли́тва!« — »Така́ вже во́ля Божа!« и тому подобными.

— Ну, матушка, продолжалъ офицеръ, — служу я этакъ. Ну,

служу, — грамотѣ меня начали обучать товарищи, чтобы пунктики тамъ и все этакое разъучивать....

»Отъ, якъ-бѣ тебѣ, сѣнку, навѣили написати писъмѣ до мате-ри, отто булѣ бѣ дѣбре!«

— Чтѣ же? и писъмѣ можно бы было написати. Унтера и заохачивали, что, можетъ, что-нибудь пришлетъ старуха....

»А вѣ же жѣ прислала бѣ! Послѣдки бѣ збула да прислала!«

— Вотъ этого-то мнѣ и не хотѣлось, матушка! Подумаю бывало, подумаю: меня государь прокормитъ и одѣнетъ, а ей кто безъ меня поможетъ? Ну, это дѣло — сторона. Вотъ обучился я пакеты и все этакое распознавать, какъ слѣдуетъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Я былъ понятливъ съ малолѣтства — вы знаете. Бывало, услышу однимъ ухомъ пѣсню — ужъ она и моя.

»А тепѣрь за службою, мабути, и пѣснѣ поперезабывавъ, сѣнку?«

— Нѣтъ, матушка; какъ перезабывать? Весь этотъ вздоръ навѣки вѣззался въ память. Но, понимаете, въ благородномъ званіи... тутъ другія пѣснѣ пошли. Да и въ солдатскомъ тожѣ хохлачнину всю вонъ изъ насъ выколачивали. Дружка за дружкой смотримъ бывало, чтобъ все этакъ хватски и говорить, значить, и дѣлать.

»Погані, сѣнку, москѣвскі пѣснѣ!« сказала старушка, увѣщательнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, матушка, для военного человѣка онѣ способнѣе хохлацкихъ. Этакъ гаркнуть цѣлой ротой и въ тактъ, въ ногу.... оно хорошо!

»Именно«, подтвердилъ бывшій отецъ Потаній. »На то Марсъ!«

Но этого послѣдняго восклицанія не понялъ никто, чѣмъ бывшій отецъ Потаній остался доволенъ и затаялъ объясненіе про себя.

— Вотъ, матушка, обучился я грамотѣ, — служу. Начальство меня любитъ, и сталъ я у начальства на примѣтѣ за то именно, что лишняго слова никто отъ меня не слыхалъ. Служба и баста! Это у насъ образцовые унтера. Такихъ и на самые важные караулы назначаютъ. То есть, стой, какъ вкопанный, и все тутъ! Смотри — и будто не видишь, слушай — и будто не слышишь, чтобъ у тебя потомъ, кромѣ службы, никакихъ разговоровъ не было, — понимаете?

»Гѣсподи! який страхъ!« сказала старушка. »Ні до кѣго ѣ не озовѣсь?«

— Нѣтъ, матушка, въ казармахъ отозваться къ кому угодно можно, но вотъ про ружье или тамъ про этакой новѣйшій темпъ, что ли, а о прочемъ — не солдатское дѣло разсуждать. За это насъ и начальники отличали. Вотъ, матушка, такъ я и служу, изо дня въ день. Ну, служу, и привыкъ стало быть совсѣмъ, точно въ мундирѣ и родился.

»Это все равно, какъ у насъ бывало въ семинаріи«, сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Дана тебѣ грамматика или реторика — сколько хочешь читай, а другихъ книгъ не знай, какъ онѣ и называются. Одинъ изъ нашихъ риторовъ нашелъ на улицѣ книгу: *Товарищъ разумный и замысловатый*, — такъ, значить, книга называлась, — и сталъ читать въ бурсѣ, а отцу ректору тотчасъ и донесли, Ну, я думаю, въ той книгѣ не было столько листковъ, сколько отецъ ректоръ отсыпалъ ему крупнаго гороху.... Хе-хе-хе!«

И бывшій отецъ Потапій очевидно гордился тѣмъ, что въ этой компаніи только ихъ двое, онъ да офицеръ, прошли чрезъ суровую школу жизни.

— Нехайъ вамъ и рѣба й озеро! сказала въ полтъ-голоса одна молодлица другой. — За такі страхи я не взяла бъ ні царства, ні панства!

»Вотъ, матушка«, продолжалъ офицеръ, »проходить моя служба такъ сказать безпечально. Начальство меня любитъ, и ужъ браннаго слова я отъ него не слышу давно. Пуще всего я всегда берегусь, чтобъ не услышать браннаго слова. Ну, коротко сказать, все идетъ ладно. Вдругъ сдѣлалось этакое.... какъ бы вамъ сказать.... смущеніе. То есть и разсказать то вамъ это мудрено, матушка. Все такъ перемѣшалось какъ-то.... Пальба этакая и все этакое.... ну понимаете? смущеніе!

— Що жъ воно такѣ, сінку? спросила мать.

»А намъ-то что за дѣло, матушка? Про то начальству знать. Наше дѣло — стой, ни съ мѣста! Пали! ну и пали! вотъ наше дѣло!«

— Да чого жъ се тревѣга була?

»Ну, стало быть, была какая-то тревога. Намъ про то не разсуждать. Только, послѣ всей этой церемоніи, какъ воротились въ казармы, объявляютъ намъ приказъ: такой-то въ прапорщики въ армію, Зарубаевъ — въ прапорщики въ армію.... Трехъ насъ, стало быть, первыхъ унтеровъ выпустили въ армію, съ производствомъ ста цѣлковыхъ пенсій на всю стало быть жизнь....«

— Слава жъ тобі, Господи! сказала старушка перекрестясь.

»Погодите матушка, еще не все! По двѣсти цѣлковыхъ единовременно награды! Казенныя подорожныя намъ въ руки, прогоны казенные — валий!«

При этихъ словахъ, бывшій отецъ Потаній, не желая остаться равнодушнымъ къ счастью своего сосѣда, заглушилъ тихія молитвы вдовы гласомъ велимъ. Воздѣвъ руки къ почернѣвшимъ и облупившимся образамъ, онъ воскликнулъ:

— Слава тебѣ, Боже! слава тебѣ, Боже! слава тебѣ, Боже!

И потомъ, опустивъ руки, сказалъ еще въ добавокъ:

— Аллилуйя! аллилуйя! аллилуйя! слава тебѣ, Боже!

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, при этихъ восклицаніяхъ сочли за нужное перекреститься такъ же, какъ и въ церкви. А офицеръ продолжалъ:

— Вотъ пріѣзжаю я, матушка, въ полкъ, то есть въ тотъ, куда меня назначено. Пріѣзжаю въ полкъ, а тутъ ужъ, понимаете, тоже тревога.

»А тутъ же вже чо́го?«

— Этого, матушка, вамъ не понять, а мнѣ не рассказать. Довольно того, что тревога, и нѣкоторыхъ изъ офицеровъ помчали.... Ну, куда ихъ помчали — это не наше дѣло знать. Только я прибылъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.... Страхи тамъ или ужасы какіе гдѣ творились — мнѣ до того дѣла нѣтъ; начальство входитъ во все это не приказывало. Являюсь къ полковнику. Ну, полковникъ, разумѣется, какъ начальникъ... ну, словомъ — полковой командиръ. Понимаете? »Честь имѣю, и прочая... вашему высокоблагородію, и прочая....«—»Ступайте, говорить, въ вашу роту«. Пошелъ я въ роту, стало быть къ ротному, примѣрно сказать, командиру. Ну, пошелъ въ роту, — у ротнаго офицеры сидятъ, въ карты значить играютъ. Только ротный смотритъ на меня зызомъ, слова сквозь зубы цѣдитъ, а тѣ и вовсе не смотреть на новаго, такъ сказать, сослуживца, — играютъ. »Что за оказія?« думаю себѣ. »Теперь я такой же благородный чело́вѣкъ, какъ и они!« А я, понимаете, еще въ Петербургѣ всю форму себѣ.... Мундиръ на мнѣ, эполеты на мнѣ, все чисто. Чт́о же имъ противъ меня этакъ?... Ну, Богъ съ ними! Дворяне, такъ и дворяне, а я тоже у моего государя благородный чело́вѣкъ. Спрашиваетъ меня ротный сквозь зубы, за чт́о я, значить, про-

изведенъ?—»Я«, говорю, »не могу этого знать. Должно быть, какъ-нибудь отличился.« Больше ни слова мнѣ.... то есть, просто сказать—садиться не просятъ. Я этакъ постоялъ-постоялъ. »Прикажете«, говорю, »отходить на квартиру?«—»Ступайте!« говорить. Ну, это мнѣ не совсѣмъ пріятно. Какъ бы то ни было, произведенъ за отличіе.... Расположился я на квартирѣ. Не у кого мнѣ даже разспросить, что и какъ. Съ деньщикомъ разговаривать не приходится. Тó сдѣлай, тó подай, — вотъ и всѣ разговоры. »Слушаю, ваше благородіе!« и баста!

»Всеконечно!« сказалъ бывшій отецъ Поташій.

— Отó, мабуть, завѣдно дворянскимъ сплнкамъ! сказала мать съ негодованіемъ и торжествомъ.

»Вотъ, матушка, и служу я въ офицерскомъ уже такъ сказать званіи. На ученіе выйду, съ ученія на квартиру, — вотъ и вся моя бесѣда. Ко мнѣ никто, и я ни къ кому. Живу, стало быть, молчкомъ дѣло. Скучновато мнѣ. То бывало къ своему брату унтеръ-офицеру отзовешься, спросишь тамъ, какъ фланговая служба, какъ что.... ружьемъ этакъ прикинешь другъ передъ другомъ.... асъ! два!... ну, мало ли чего не переговоришь бывало по своему дѣлу, по службѣ значить. Тенерь ужъ мнѣ подружески съ унтерами толковать не резонъ: бояться не стануть. На ученіи я показалъ, что значить гвардейская выправка.... Ротный мой взводомъ доволенъ, а больше ни гугу, и офицеры толъ отъ меня сторонятся. Ну, Богъ съ вами! Денежки я свои зашилъ въ мундиръ про черный день, — въ карты отъ меня не поживитесь. Но скука, понимаете, смертная! Завелъ себѣ съ горя сулею водки.... Выпьешь, трубку закуришь — и легче!«

— Истинно! сказалъ бывшій отецъ Поташій. — Вино веселитъ сердце человѣка.

»Но только думаю«, продолжалъ офицеръ: »Что же мнѣ этакъ жизнь коротать? Велика важность, что они родовые дворяне! Мнѣ тоже надобно жить на свѣтѣ, и послѣднимъ межъ людьми я тоже остаться не хочу. Я, не бывши еще и офицеромъ, не спустилъ дворянчику за свою обиду... Плевать я на васъ! Пенсія у меня есть. Что мнѣ играть всю жизнь въ молчанку? Въ отставку! поѣду къ матушкѣ!«

— А чому жъ ты, сынку, письма не прислать, щобъ я порадовалась твоему счастию?

»Что, матушка, письмо? Я самъ ебирался къ вамъ въ гости, осмотрѣвшись въ полку: это лучше письма! То есть хотѣлось этакъ по-военному—безъ разговоръ: явился на лицо, да и все тутъ!... Ну, полно же, матушка, плакать! Богъ, что ни дѣлаетъ съ нами, все къ лучшему. Что бы я былъ, оставшись всѣ эти года при васъ? простой козакъ! А теперь, какъ бы то ни было, благороднай челаэкъ.«

И Поликарпъ Зарубаенко гордо подбоченился.

VIII.

Опять поднялся говоръ. Всѣ, кромѣ бывшаго отца Потанія, одобрили образъ мыслей и рѣшимость Поликарпа Зарубая; о службѣ же отзывались единодушно такъ: *Нехай їй цуръ!* Бывшій отецъ Потаній радовался, что Богъ послалъ ему покупщика левады, который заплатилъ дороже самого козака Очкура, но радость не помѣшала ему высказать откровенно свое сожалѣніе, что Зарубаенко не продолжалъ службы.

— Начавши офицерство съ такихъ лѣтъ, говорилъ онъ, — какихъ чиновъ не можно было бы дослужиться? Въ сорокъ лѣтъ — майоръ вѣрнѣйшій.... ваше высоблагородіе!

И бывшій отецъ Потаній даже заплямкалъ при этомъ словѣ, какъ-будто оно произвело у него во рту невыразимую сладость.

— Тутъ и жениться было бы кстати. Это — наилучшая пора для законнаго брака!

»А у насъ, ѳтче Потане«, возразила вдова, »такъ кáжуть: «Не кайся, рáно встáвши и зá-молоду оженівшись: рáно встáнешь — «багáто дѣла зрѣбишь, а зá-молоду оженієся — дѣтѣй до умá доведешъ.«

— Тó въ простомъ званіи, Параскевія.... якъ бо тебе.... дá, Емельяновна.... тó въ простомъ званіи, а въ благородномъ, по чину и невѣста. За майора не усумнился бы отдать дочку напобогатѣйшій помѣщикъ.

»Да щó намъ про те думать, ѳтче Потане! И козакі—не послідні люде. Женісь, сінку, да візьмі плугъ волівъ за жінкою; то будемо до віку смачний кусокъ хлѣба їсти. Теперъ тебѣ ні въ волюсть, ні въ підводи не потягнуть: теперъ ти самъ собі панъ!«

— Оно конечно, возразилъ бывший отецъ Потаній, — оно конечно, Параскевія Емельяновна: за Поликарпа Ивановича отдасть дочку наибогатѣйшій козакъ въ Бѣртицѣ, и плугъ воловъ, и папки часть всеохотно удѣлитъ; но Поликарпъ Ивановичъ теперь не такой человѣкъ, чтобы ему пріобрѣтать родню въ кобеняхахъ и наміткахъ....

»А хибѣ жъ ёго мати не въ намітці?« возразила вдова.

— То другое дѣло, Параскевія Емельяновна. Про то сказано въ писаніи: »Чти отца твоего и матеръ твою....« О!.... Не сказано: »матеръ твою, аще дворянка есть«, а просто: »матеръ твою«, кто бы она ни была. Переменить рожденія своего не возможно, возвеличить же родъ свой можно и должно. И царь Давидъ родился пастухомъ, но уже не въ пастушескомъ званіи искалъ себѣ жены, — нѣтъ! и паки реку: нѣтъ! Поликарпу Ивановичу свыше указанъ путь жизни, и не долѣтъ ему пренебрегти симъ указаніемъ.

»Такъ що жъ отсѣ ёму, до комисара посилать старості, чи що?«

— Нѣтъ, Параскевія Емельяновна! Комиссаръ — панъ древняго и великаго колѣна: его предокъ служилъ господаремъ у гетмана Данила Апостола, — это я отъ него самого слышалъ во времена моего благоденствія. Скажу тебѣ истину не за глаза, а въ глаза: что и другія дворянскія фамиліи предложать Поликарпу Ивановичу тарелку орѣховъ съ вилкою.... У благородныхъ это означаетъ то самое, что въ козацкомъ званіи — гарбузь ⁽¹⁾.

»А щобъ же вони не дождали!« воскликнула съ досадою вдова.

— То есть, видишь ли, Параскевія Емельяновна: сватайся Поликарпъ Ивановичъ на сторонѣ, вдали отъ родныхъ мѣстъ, тогда — другое дѣло. Но здѣсь всякій знаетъ, что онъ, хоть и офицеръ, а все-таки козацкій сынъ!

»Такъ хибѣ жъ се порокъ?« говорила запальчиво вдова: »хибѣ ёго бѣтько бувъ злѣдй, а мати — потаскѣха, чи що?«

— Нѣтъ, Параскевія Емельяновна! ты все простымъ разумомъ соображаешь. Тебѣ сдается, что когда человѣкъ неповиненъ ду-

⁽¹⁾ Въ знакъ отказа, сватовъ потчеваютъ тыквою, или кладутъ на столъ, а не то — въ повозку, въ сани, тыкву (гарбузь). Но такой способъ отказа считается величайшимъ оскорбленіемъ. Гарбузь употребляется больше въ поговоркѣ (*підсунули гарбуза, дали гарбуза*), чѣмъ въ дѣйствительности.

шею и чистъ сердцемъ, то уже онъ достоинъ и родства и свойства съ людьми благородными.

»Атѣ жъ якъ по-вашему?«

— Не по-моему, Параскевія Емельяновна. Чтѣ я? я — меньше, нежели ничто. Уничженъ и смирихся до зѣла, рыкахъ отъ воздыханія сердца моего.

При сихъ словахъ, бывшій отецъ Потаній очевидно старался сообщить своему лицу печальное выраженіе, и съ этой цѣлью поникъ даже главою; но лицо его давно уже отвергло какое бы то ни было выраженіе.

— Истинно такъ! продолжалъ онъ. — Теперь уже я не собственнымъ разумомъ обязанъ судить о дѣлахъ міра сего, а разумомъ старшихъ и достойнѣйшихъ меня.

Между тѣмъ какъ онъ ораторствовалъ и придавалъ такимъ образомъ собравшемуся у вдовы обществу достоинство бесѣды избранной, офицеръ, къ великому удовольствію гостей, потчевалъ ихъ изъ собственныхъ рукъ и послалъ къ Остапу за другой мѣрой горѣлки, уже отъ себя.

— Старшіе и достойнѣйшіе меня недостойнаго и униженнаго, продолжалъ бывшій отецъ Потаній, — яко-то дворяне и іерее, зрятъ не на лица человѣческія, но на ихъ общественныя права и преимущества....

»Такъ по-вашему, ѳтче Потане, панѣкъ-злѣдіяка стоітъ бѣльшъ прѣстѣго, да чѣснаго козака?«

— Не по-моему, все-таки не по-моему, Параскевія Емельяновна. Азъ есмь червь, а не человѣкъ.... А чтѣ касается до панка-злѣдіяки, какъ ты изрекла дерзновенно, то злѣдіякою никто не смѣетъ называть никого, не уличеннаго закономъ, а тѣмъ паче — благороднаго человѣка. На то и законъ поставленъ. Ты себѣ думай, какъ хочешь, сидючи въ своей хатѣ, а благородный человѣкъ на всякомъ мѣстѣ старше и почетнѣе простолюдина. Посему-то и вознѣщуетъ всякая дворянскаго званія дѣвица.... то есть не захочетъ назвать своею свекрухою тебе, Параскевія Емельяновна, яко простую козачку....

»Такъ матѣрі жъ іі трѣсця!« сказала вдова, вскочивъ съ ослона и, въ знакъ досады, ажъ обѣ ноги рукавами водѣрилась. »Я и самѣ не хѣчу такѣі невѣстки! Сѣночку мѣй!« обратилась она къ своему Поликарпу, обнявъ и поцѣловавъ его голову: »не бла-

гословляю тебе жениться на пішній п'яночці, щобъ не зневажила твоєї матері, а св'ятаї, синку, хорошу козачку въ насъ на селі!»

При этихъ словахъ, стоящія въ с'няхъ дівчата спрятались за спини паробковъ, и н'которыя изъ нихъ, еще не усп'вшія полюбить на всю жизнь черноброваго козака въ высокой пох'листой шапк'ѣ, подумали въ душ'ѣ: »А хорошій же то, який прехорошій той Поликарпъ Зарубаенко! Съ такимъ и м'жъ люде не с'ромъ!« Не безъ того, что и благородство мелькнуло въ ум' молодыхъ козачекъ: »Н'хто теб' не посміе зневажити и нал'ять; ні п'ана, ні москалі не боятимесся: благородна!«

Поликарпъ Зарубай всею душою радовался, что посл' заточенія на долгое одиночество въ полкъ, очутился посреди людей, съ которыми ничто не м'шало ему говорить по-челов'чески. Притомъ онъ сохранилъ, въ простой душ' своей, любовь и почтеніе къ матери. Онъ поц'ловалъ ее въ руку, что вс'хъ зрителей, кром' бывшаго отца Потапія, тронуло, а она расц'ловала его въ прекрасные черные усы, въ глаза, въ брови и въ об' щеки, цв'туція могучей красотой молодости.

— Дражайшая матушка! сказалъ онъ: — безъ вашего родительскаго благословенія, я ничего не посм'ю сд'лать; но посмотрите на меня: я теперь уже не тотъ Поликарпъ, который съ вами и въ дом' и въ пол' такъ сказать работалъ, стало быть и жалъ своими руками и все такое прочее. Теперь я совес'мъ другой, можно сказать, челов'къ сд'лался!

И онъ, отступя шага два назадъ, выровнялся, ударилъ себя рукой по бедру, въ знакъ довольства своей молодецкой фигурой, и потомъ самъ обозр'лъ, сколько было возможно, свой корпусъ.

Въ самомъ д'л' онъ былъ другой челов'къ въ глазахъ матери и вс'хъ ея сос'дей. Высокій и статный отъ природы, онъ еще казался выше и статн'е въ офицерскомъ вицмундир' и туго натянутыхъ штанахъ. Черныя брови его, отъ привычки повел'вать и смотр'ть весело и бойко въ глаза начальству, приняли такое выраженіе, какъ бываетъ у генераловъ на лубочныхъ картинкахъ. Усы, прежде опущенные по-козачки къ-низу, точно, дв' косы, теперь приняли форму двухъ крутыхъ серповъ, концами къ верху. Даже носъ какъ-будто выросъ у него на служб' больше прежняго и пріобр'лъ привычку водить поздрами, по-

добно ярому коню. Словомъ, Поликарпъ Зарубай былъ теперь »совсѣмъ другой, можно сказать, человѣкъ.« Это всѣ видѣли и чувствовали, и дѣвчата, захилившіяся было за паробковъ, смотрѣли на него уже изчужа.

— И рѣчь моя теперь совсѣмъ другая, продолжалъ офицеръ, — и обычай другой, и все другое, матушка! Не правда ли?

»Истинно!« сказалъ съ сочувствіемъ бывшій отецъ Потапій.

— Жениться мнѣ на какой ни на есть этакой хохлушкѣ — какъ-то не таво.... Ужъ меня теперь ни простой пѣсней, ни простымъ танцемъ не таво.... Я хоть и не плясалъ самъ этакихъ мазурокъ и всего прочаго, но видалъ, какъ гвардейскіе унтера пляшутъ. На свадьбѣ, стало быть, у товарища случилось быть. Купеческую дочку взялъ.

»Сіночку мій!« сказала мать, »не тѣнцями да пѣснями проживѣ чоловікъ на свѣті, не москóвськими *ушами* да *кабишами* вподобаетця Бóгу й лю́дямъ, а до́бримъ рóзумомъ да звича́емъ....«

— Чтó жъ, матушка? возразилъ облагороженный сынъ: — теперь всякая этакая простая дѣвица покажется глупа передо мной. Ужъ она благородной рѣчи со мной не поведетъ....

»Истинно!« поддержалъ офицера бывшій отецъ Потапій.

— А въ насъ, сінку, такъ ось якъ співають у пісні:

—Чи ту, ма́мо, свѣтатъ,

Що га́рно гово́рить?

—Свѣтай, сінку, й люде́й пита́й,

Чи ді́лечко ро́бить!

—Чи ту, ма́мо, свѣтатъ,

Що го́ловка гла́дка?

—Свѣтай, сінку, й люде́й пита́й,

Чи ме́тена ха́тка!

»Это намъ не законъ, матушка! Офицерская жена не для того живетъ, чтобъ работать и самой хату подметать! Хе-хе-хе! не видали вы свѣту, матушка, — по-деревенски судите. У благороднаго человѣка совсѣмъ другія правила, — не тѣ, что у простыхъ людей.«

— Истинно! сказалъ бывшій отецъ Потапій.

Прочіе дивились безмолвно, какого ума и бойкости набрался въ москаляхъ Зарубаенко. Но козакъ Очкуръ и еще человѣка дватри сѣдоусыхъ его ровесниковъ, переглянувшись между собой, выразительно качали другъ другу головой.

— Такъ когó жъ тобѣ, сѣнку, свѣтатъ? спросила озадаченная мать. — Самъ же отецъ Потѣпъ кѣже, що... тѣфу на ихъ усѣ зле й лихѣ!

Бѣдная старушка не могла перенести мысли, чтобъ ея Поликарпу подсунули тарелку орѣховъ съ вилкою: это ей казалось обиднѣе самого гарбуза.

— Паадумаемъ, паасмотримъ! сказалъ сынъ, покручивая молодецкій усъ. — А между тѣмъ потчевайте, матушка гостей. Я велѣлъ взять полъ-ведра водки: пускай наши сосѣди вспоминаютъ этотъ день!

IX.

Между тѣмъ двухъ-трехъ словъ было достаточно со стороны счастливой вдовы, чтобы сосѣдки помогли ей угостить сына и всю честную компанію вечерю. Уже за хатою куры возбѣщали предсмертнымъ крикомъ неожиданную радость своей убогой хозяйки, а проворѣйшая изъ дѣвчатъ принесла коромысло воды. Уже сухая лоза изъ обвалившагося плетня пылала въ печи, а въ сѣняхъ подвижныя, какъ живое серебро, молодежи лѣпили вареники. Для вдовы Зарубаихи наступилъ Великъ-День, — это всѣ чувствовали и отъ души помогали ей торжествовать свой праздникъ.

Много тутъ было сказано прекрасныхъ рѣчей и пропѣто даже нѣсколько припоровленныхъ къ случаю куплетовъ, которыми наши козаки и козачки, въ дружеской бесѣдѣ, подтверждаютъ свои рѣчи, какъ неопровержимыми, переданными изъ рода въ родъ доказательствами. Но нашъ герой и первенствующій между собесѣдниками бывшій отецъ Потѣпъ внимали небрежнымъ ухомъ простонародному гомону, яко люди иного, высшего круга.

Поликарпъ Зарубай чувствовалъ непонятное для него самого удовольствіе — быть въ этой говорливой компаніи, слышать уже для него странный ея языкъ и смотрѣть на эти оживленные естественными чувствами лица. Съ того времени, какъ онъ произведенъ въ офицеры, онъ еще не радовался такъ человѣчески, какъ въ этомъ обществѣ. Правда, онъ обнялъ отъ всего сердца своихъ счаст-

ливыхъ товарищей, унтеръ-офицеровъ, отличившихся вмѣстѣ съ нимъ стояньемъ на какомъ-то опасномъ посту; но съ прочими, менѣе счастливыми унтерами, которые тоже стояли стѣной и готовы были на все, не могъ онъ обняться дружески, потому что они вытянулись передъ нимъ въ струнку и зажали ему ротъ благодаріемъ. Здѣсь, въ хатѣ его матери, тоже читли отъ всего сердца его офицерское достоинство, но самихъ себя сознавали также людьми, достойными всякаго уваженія. Одинъ только бывший отецъ Потапій безпрестанно повторялъ: »Уничженъ и смирихся до зѣла!.. Азъ есмь червь, а не человѣкъ«, и тому подобное.

Непонятнымъ мному покажется, какъ это козаки, не смотря на его паденіе съ высоты іерейскаго сана, не смотря на извѣстное всему селу пристрастіе его къ лишней чаркѣ и вѣчное самоуничженіе, совѣстились называть его иначе, какъ отцемъ Потапиемъ. Это происходило отъ того, что въ ихъ глазахъ онъ и прежде, во времена своего благоденствія, былъ тотъ же человѣкъ, что теперь въ своемъ упадкѣ. На его пристрастіе къ горячимъ напиткамъ они теперь смотрѣли даже снисходительнѣе прежняго, такъ какъ его печаль требовала, по ихъ убѣжденію, *отѣхи*; между тѣмъ имя его, независимо отъ его личности, было для нихъ драгоцѣнно, потому что слилось у нихъ съ воспоминаньями обо всѣхъ великихъ праздникахъ христіанскихъ, о великомъ днѣ вѣнчанья, о крещеніи дѣтей и также о смерти дѣтей, отцовъ, матерей и родныхъ. Какъ отецъ Потапій вымогалъ лишнее даваніе по всѣмъ подобнымъ случаямъ, объ этомъ они забыли, но памятью сердца помнили его молитвы, разрѣшающія, освящающія и напутствующія въ новую жизнь. Поэтому дикимъ показалось бы всему сельскому обществу, когдабы гдѣ-нибудь въ компаніи низвергнутому отцу Потапію не дано было перваго мѣста за столомъ и первой чарки въ руки. Добрые люди чувствовали даже состраданіе къ нему, зная, что онъ уже не можетъ вымогать отъ прихожанъ разныхъ даваній, на которое вымоганье они въ свое время сѣтовали, и если козакъ Очкуръ упрекнулъ его прошлымъ, то это вовсе не отъ злобы, а отъ участія къ нынѣшнему его положенію, котораго онъ не умѣлъ иначе выразить, какъ въ видѣ упрека.

Такимъ образомъ за вечерю у вдовы Зарубахи бывшій отецъ Потапій сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, что и во времена

своего благоденствія, и радовалась хозяйка, что было кому благословить у ней каждое подаваемое яство, такъ какъ рука бывшаго отца Потапія всё еще считалась наиболѣе способною къ устраниенію врага человѣческаго рода изъ всѣхъ рукъ, взявшихся тутъ за ложки. На свѣтѣ много есть умныхъ и ученыхъ людей, которые не шутя утверждаютъ изустно и печатно, будто бы діаволь невидимо втирается во всякое веселое и шумное собраніе, хотя бы оно устроилось и по случаю радости матери о возвращеніи сына. Основываясь на ихъ словахъ, мы думаемъ, что діаволь, отогнанный бывшимъ отцемъ Потапіемъ отъ яства и питія, притаился глѣ-нибудъ подъ столомъ, а пожалуй и въ болѣе безопасномъ мѣстѣ — въ сердцѣ своего гонителя. Иначе — для насъ было бы непонятно, почему бывший отецъ Потапій одинъ поддерживалъ офицера, которому и мать, и всѣ сосѣди единодушно совѣтовали зажить на селѣ просто, а не по-пански.

— Чіна вѣшого ніхто у васъ по одніме, говорили козаки, — и пенсія вѣша останеться при васъ, Поликарпъ Івановичъ. Хотя ви надіньте на себѣ диряву свѣтку, — все ми будемо знать, що ви — офицеръ и що вамъ царь, за вѣшу слѣужбу, одпускає изъ казни сто цѣлковихъ. Отъ, передъ вѣми отецъ Потапъ. Самі ба-чите, що вінъ загубивъ рясу, — ми и безъ ряси поважѣемъ єго и почитѣемъ, бо знаємъ, що вінъ вінчавъ насъ, а нашихъ дітѣй христивъ, а помершихъ нашихъ — царство імъ небесне — поминавъ. Що жъ намъ до того, якъ тамъ єго хтось десь изневаживъ? Передъ нами вінъ ні въ чому не провинень. Честь и шаноба єму одъ насъ до-віку буде. А вамъ и того більшъ. Вашъ покойний панъ-отець — нехай надъ імъ перомъ земля — бувъ чоловікъ-друзяка; и паніматка вѣша — нехай буде здорова — не замутила въ насъ у селі й водою. Якъ же намъ вѣшого офицерства не поважѣть, Поликарпъ Івановичъ? Ми люде прости, а такъ міркуємо, що вамъ за панѣми не вгнѣтця: пані живуть изъ престѣнь, або зъ слѣужби, такъ вонó вже такъ виходить.... да що ї казати? Цуръ єму такому заробітку! А ви, якъ справите собі плугъ волівъ, да батковськимъ рѣбомъ, — святе діло, навѣки святе діло! Хибѣ вамъ учіться, якъ за плугомъ ходіть? Ви й паробкомъ хазяїнь були на всю губу. А въ святѣ неділю, чи въ яке інше свято, надівайте свою кавалерію и шаблюку и все такѣ, идіть до цѣркви Божої; нехай васъ люде знають, що ви усякі страхи

бáчили и всякі мўки прийма́ли. Вже не дўрно все тее вамъ по-жа́ловано: и самі ка́жете, що й па́лічка коштува́ли, — неха́й воно́ імъ сні́тся!

Такъ разсуждали козаки, складываясь по слову и поддержи-вая своимъ умомъ одинъ другого. Офицеръ, куликнувши на радости не хуже бывшего отца Потапія, клонилъ, въ отвѣтъ имъ, голову съ такимъ видомъ, какъ-будто сознавалъ всю справедливость добрыхъ совѣтовъ. Но бывший отецъ Потапій многожды простиралъ десницу и шунцу къ неграмотнымъ ораторамъ, требуя молчанія. Звичайность, которую каждый соблюдалъ въ компаніи строго, заставляла ихъ уступать право свободного голоса тому, кто, по словамъ старосвѣтской думы,

Святѣ Письмó берѣ въ рўки, чита́е,
Насъ, прб́стихъ людѣй, на все дб́ре наставля́е, —

и бывший отецъ Потапій поучалъ бывшихъ своихъ прихожанъ въ такомъ родѣ:

— Да не хвалится премудрый мудростію своею!... Видите: премудрый, и тому не дозволено превозноситься своимъ разумомъ; вамъ же, людямъ простымъ, тѣмъ паче подобаетъ смирять разсудокъ свой. Въ дѣлахъ пахарскихъ вамъ допускается наставлять и вразумлять одинъ другаго; но здѣсь рѣчь идетъ о предметахъ, для неграмотнаго человѣка невразумительныхъ. За отличіе.... понимаете ли? за отличіе!

При этомъ словѣ бывший отецъ Потапій положилъ перстъ свой одесную своего носа, тщетно усиливаясь придать своему лицу глубокомысленное выраженіе.

— За отличіе, продолжалъ онъ, — начальство наградило Поликарпа Ивановича чиномъ, или все равно — благороднымъ званіемъ. Для чего жъ оно его наградило? для того ли, чтобы сей чинъ за плугомъ влачить, или же для того, чтобы въ благородной компаніи прославлять великодушіе начальства и храбрость російскаго воинства?... Какъ вамъ кажется? ради перваго, или ради послѣдняго?

Козаки молчали и только мысленно дивились, какъ это онъ такъ умно говоритъ, что даже не поймешь ничего!

— Вижу, вижу, братіе, продолжалъ бывший отецъ Потапій, — что рѣчь моя для васъ — темна вода во облацѣхъ. Я приведу примѣръ, для васъ удобопонятнѣйшій. Простаго вонна или сол-

дата, по выслугѣ двадцати-пяти лѣтъ ⁽¹⁾, отпускають во свояси тща, немощна и спра, ибо какіе сродственники не вымрутъ въ теченіе столь долгаго времени, и какое здравіе не сокрушится отъ многолѣтняго служенія отечеству? Но и тому прописываютъ въ отставку, сирѣчь въ аттестатѣ: бороду брить, волосы стричь, мундиръ носить, по міру не ходить. Изъ сего вы видите, сколь заботливо попечительное начальство о сохраненіи достоинства и послѣдняго изъ своихъ служащихъ. Чтѣ же сказать объ офицерѣ, который бы, вмѣнивъ ни во чтѣ свои заслуги, поглумился бы надъ ними всенародно, на нивѣ? Чтѣ скажете на сіе, братіе?

»Да вонѣ-то нѣче бѣ то й такъ, ѳтче Потѣпе«, отвѣчали козаки, »да, бѣчите, по нѣшому прѣстому рѣзуму, чоловѣку найперше всѣго трѣба хлѣбъ исти.«

— Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ чоловѣкъ, прерывалъ бывшій отецъ Потѣпій.

»Да щѣ вже й казѣти, ѳтче Потѣпе! те вже ви лучче знѣете; да тѣлько щѣ трѣдно хозѣйствечко зобрѣть Поликарпу Ивановичу, коли своихъ рукъ не приложитъ. Наймѣтъ.... щѣ жѣ наймѣтъ? Безъ хазѣйна наймѣтъ ні щѣ, а при хазѣинѣ, то й наймѣтъ — чоловѣкъ. Атѣ ѣмѣ грѣши заплатѣ, а винѣ тобѣ худѣби не доглѣдитъ; винѣ тобѣ не зѣоре й не посѣ по-людьски; винѣ тобѣ спашѣ нарѣбѣтъ. Да щѣ й казѣти! Безъ хазѣйна чужѣ рѣки — кочергѣ; безъ хазѣйна и товѣръ плѣче. Се вже такъ зѣ віку да й до віку, ѳтче Потѣпе.«

— Да для чего же Поликарпу Ивановичу ваше пахарское хозяйство? спрашивалъ бывшій отецъ Потѣпій.

»А якъ же чоловѣку прожитѣ безъ хлѣба святѣго?«

— У него пенсія на то есть, да изъ отцевскаго поля упадетъ ему третья копѣ.

»И вже, якъ такъ! Хибѣ жѣ то велѣкі грѣши, якъ изъ копѣйки житѣ? Инше дѣло — пустѣтъ ихъ у хазѣйство: тамъ усяка грѣвня стѣне тобѣ рублѣкою. А трѣтя копѣ.... се пустѣня. Ищѣ жѣ и за вmolѣтъ oddѣй десѣту мірку.«

(1) Читатель, вѣроятно, помнитъ, что дѣйствіе происходитъ 35 лѣтъ назадъ.

— На его надобности будетъ и презбудеть, говорилъ бывший отецъ Потаній.

«А дітки жъ пійдуть!» возражали козаки. «Мѡже жъ, и дѡчкамъ трѡба справить придане и синівъ наділіть полемъ и худѡбою!»

— Уповай на Бѡга, и онъ препитаеть тя и чада твоя, импровизировалъ бывший отецъ Потаній.

«А въ насъ кáжутъ: »Робі, небѡже, то й Богъ помѡже«, стояли на своемъ козаки.

— Суетно слово ваше, братіе! Писаніе гласить: «воззрите на птицы небесныя...» Вамъ путь одинъ въ сей жизни, Поликарпу Ивановичу другой. Ему всѣ дороги открыты. Онъ можетъ взять какую ни есть на себя должность, сообразную съ благороднымъ званіемъ: прикащикъ или лучше сказать управитель — вотъ его хлѡбъ! другими повелѣвать, а не собственныя руки мозолить!

«И вже, якъ чужіми слѣзáми....» начали было козаки. Но офицеръ рѣшительно принялъ сторону бывшего отца Потанія.

— Смирно! ни гу-гу! вскричалъ онъ такъ, что всѣ изумились.

Въ нашихъ простыхъ компаніяхъ, съ гостемъ, посаженнымъ за столъ, обращаются какъ нельзя больше почтительно, и тотъ осрамилъ бы себя на-вѣки, кто грубымъ словомъ заградилъ бы уста собесѣдникамъ. Но, какъ Поликарпъ Зарубай принадлежалъ къ тому сословію, которое, въ глазахъ простолюдиновъ, дѣлаетъ тысячи вещей, по ихъ мнѣнію, *незвичáйнихъ*; то гости вдовы Зарубанхи изумились безъ огорченія и не подвергли офицера никакому осужденію. Всѣ замолчали и слушали, чтó онъ будетъ говорить.

— Дѣло мое офицерское, началъ онъ, — благородное, стало быть, дѣло. Ужъ меня довольно учили въ гвардіи; слава Богу, не дуракомъ изъ науки вышелъ: аттестованъ начальствомъ и все такое прочее... ну, сами знаете. А чтó касается до рода жизни, то вотъ моя позиція: утромъ — стаканъ чаю, — я вѣдь и самоваръ съ собой привезъ, матушка, — трубка табаку.... вотъ офицерское занятіе! Тамъ этакъ въ прааходку. Ну, ааѡбдать и все такое.... Словомъ, на благородной ногѣ. А чтобы не было скучно, жениться надобно. Вотъ о чемъ прежде всего слѣдуетъ подумать, матушка.

«Не добро человѣку жити единому», поддержалъ офицера бывший отецъ Потаній.

— Кого жъ тобі, сїночку, свѣтати? сказала мать, у которой отъ противоположныхъ толковъ перевернулось все въ головѣ, и она радовалась своему счастью подъ вліяніемъ какой-то одури.

»Невѣсту, матушка, найдемъ: какъ не найти невѣсты? а первое вотъ что: надобно устроить намъ помѣщеніе благородное.«

Тутъ пошли толки о коморѣ, срубленной на славу предусмотрительнымъ отцомъ Поликарпа Зарубаенка. Рѣшено было прорубить въ ней окна, поставить печь и сдѣлать перегородку. Бывшій отецъ Потапій предложилъ офицеру излишнюю мебель, ненужную ему при нынѣшнемъ его уничиженіи. Сосѣди-козаки вызвались устроить ему свѣтлицу и комнату гуртомъ, въ одну недѣлю, а платы потребовали только чарку горілки да доброе слово. Какъ бы сознавъ теперь, сколько бѣдная вдова потерпѣла отъ ихъ забвенія и мелкихъ притѣсненій въ отсутствіе сына, они соединились въ единодушную громаду, на услугу молодому хозяину. Вечеръ прошелъ въ веселыхъ и грустныхъ воспоминаніяхъ, въ веселыхъ и печальныхъ пѣсняхъ, какъ водится у насъ въ Буртищѣ на всѣхъ семейныхъ торжествахъ, — отъ свадьбы, на которой цвѣтущую красоту невѣсты отпѣвають хватающими за сердце пѣснями, до похоронъ, въ которыхъ нерѣдко поражаютъ слухъ свадебныя наименованія гостей: *дружкі, бойре, свѣхи, старості* ⁽¹⁾. Наконецъ гости разошлись.

— Що, якъ-бї намъ такі грѣши, брате? говорили козаки одинъ другому.

»А що жъ? и ми, и діти наші пожили бъ въ достѣткахъ.«

— Эгѣ, а Зарубаенко, мабуть, нічого пѣтнѣго зъ ними не вдіе?

»А вже жъ не вдіе!«

— Изведѣ ёго отѣць Потапъ!

»Изведѣ, брате, такъ якъ и самъ извівся!«

Такъ ясно представлялась нашимъ козакамъ будущность счастливаго сына вдовы, хоть они и не умѣли опровергнуть риторическихъ доводовъ бывшего отца Потапія.

(1) Однажды, во время моихъ странствованій по селамъ, войдя въ хату, я увидѣлъ на столѣ пятилѣтнюю покойницу, въ цвѣтахъ; надъ ней рыдала мать, безпрестанно уподобляя смерть выходу замужъ, а на лавкѣ сидѣло съ десятокъ сосѣдскихъ дѣвочекъ, отъ пяти до двухъ лѣтъ, и всѣ въ цвѣтахъ и лентахъ: это были *світійки* и *дружки* покойницы.

X.

Въ короткое время все преобразилось вокругъ бѣдной вдовы Зарубахи. Часть стѣнъ обращена въ комору посредствомъ поперечной стѣны. Почернѣлыя брусья прежней коморы засіяли свѣжей обмазкою, сперва глиной, а потомъ и мѣломъ, и на этихъ бѣлоснѣжныхъ стѣнахъ издали видѣлись новешенькія окна, точно молодые прозрачныя глаза на свѣжемъ лицѣ. Сама Зарубаха обвела эти окна особенною, красноватою глиною, и отъ этой каймы вышло что-то веселое и зазывающее въ хату. Такъ и чудилось каждому, что въ этой хатѣ сидитъ здоровая, румяная молодлица, окруженная здоровыми, румяными дѣтьми.

Но, покамѣстъ, по ней расхаживалъ только отставной офицеръ, въ нестромѣ архалукѣ, съ трубкою въ зубахъ, и поглядывалъ то въ два окна, обращенныя на зеленый дворъ, то въ третье, прорубленное на бывшую попову леваду. По левадѣ, въ полузавидшихъ бурьянахъ, бродила вдовина корова съ своимъ теленкомъ-назимкомъ и видимо дивилась, отчего это бывший отецъ Потаній не перескакиваетъ черезъ перелазъ съ огромной хворостинной и не гонитъ ее отсюда ударами и проклятіями, какъ бывало прежде.

Офицеръ отъ времени до времени проходитъ и за перегородку, гдѣ стоитъ его офицерская койка у стѣны, покрытой ковромъ. На коврѣ виситъ его полусабля и киверъ съ черною шишкою. Тутъ же, на прицѣпленной къ потолку вѣшалкѣ, вы могли бы видѣть вязанный изъ разноцвѣтной шерсти шарфъ, который онъ обматываетъ вокругъ шеи, когда надѣваетъ теплую шинель; а возлѣ шарфа видѣются красныя обшлага мундира, вицмундира и еще одного мундира, который онъ сохранилъ на память своей службы въ гвардіи. Тутъ же можно было еще видѣть разныхъ сортовъ брюки, стеганныя и просто суконныя нагрудники, твердые галстуки, заставляющіе держать голову, какъ держитъ коренная лошадь въ русской упряжи; но всего не перечесть. Всему этому добру знала счетъ одна офицерская мать, пересматривавшая каждую вещь по нѣскольку разъ съ своими гостями.

Изъ офицерской спальни выходило окно на такъ называемый задворокъ, гдѣ вдова откармливала уже, къ свадьбѣ сына, нена-сытнаго кабана и завела столько куръ и утокъ, какъ-будто на этой свадьбѣ будетъ у ней въ гостяхъ все село Буртище. Между тѣмъ козаки видѣли, что Поликарпъ Зарубаенко, называвшій себя Зарубаевымъ, держитъ себя такъ горделиво, какъ природное благородіе или высокоблагородіе. За услугу онъ ихъ отблагодарилъ, правда, щедрымъ угощеніемъ у себя; но тутъ-же, на просьбы ихъ — пожаловать къ нимъ откушать хлѣба-соли, отвѣчалъ, какъ прилично человѣку благородному, что это для него не способно и что компанію надобно ему избирать по своему званію. Козаки глубоко оскорбились этими словами, но смиренно отвѣчали:

— Се вже ви лѣчче знаєте, Поликарпъ Івановичъ. И у насъ кажутъ: *Братайся кінъ съ конемъ и віль зъ волемъ....*

Врожденная деликатность не позволила имъ договорить пословицу, которая оканчивалась такъ: *а свиня обз тинъ, коліи ні съ кимъ!* Только съ этой поры сосѣдки къ офицеру — ни ногой. Сосѣдки заходили по праздничнымъ днямъ къ его матери, такъ какъ она осталась той же простой и доброй женщиной, и весело бывало въ старой хатѣ. До офицера, на его половину, долетали импровизированные куплеты, которыми сосѣдки примазывали кетати свою рѣчь; но онъ внималъ этой хохляччинѣ небрежнымъ слухомъ, какъ человѣкъ, которому не безъизвѣстны и *Выду ль я на рѣченьку, и Среди долины ровныя*, не говоря уже о тѣхъ молодецкихъ пѣсняхъ, которыя, по приказу начальства, въ приличныхъ случаяхъ, весело распѣваютъ, храбрые російскіе воины. »Что жъ? простая женщина моя матушка!« думалъ онъ: »ей позволительно!« и, по врожденной добротѣ души, потакалъ ей старымъ привычкамъ и обычаямъ. Иногда, впрочемъ, онъ съ удовольствіемъ вслушивался въ пѣсни необразованныхъ поселянъ, какъ называлъ онъ обитателей родного села, но то были удалыя пѣсни паробковъ, позаимствованныя ими отъ квартирующихъ у нихъ солдатъ. Рана не заживаетъ безъ нагноенія: такъ и изувѣченная народность украинская необходимо должна была проявить свою болѣзнь въ безобразныхъ вырождахъ на всѣхъ ступеняхъ общества. Молодцоватые паробки, въ страшной величины чоботахъ и огромныхъ бриляхъ или кучмахъ, проходя мимо двора отстав-

ного офицера Зарубаева, не разъ порадовали его душу пѣснями въ родѣ слѣдующей:

Па горныци на крутой
Хадыль майоръ маладой...
Деньщика къ сабѣ призываль,
Кулакомъ у зубы даль, —

и такъ далѣе, и такъ далѣе. Не добиваясь отъ пѣсни смысла, паробки радовались, что такъ чисто выговариваютъ московскія слова и въ совершенствѣ подражаютъ солдатамъ.

»Эхъ, brave ребята!« думалъ отставной офицеръ. »Какіе изъ нихъ знатные рекруты вышли бы! Вотъ кабы мнѣ васъ отдали на недѣлку, — я бы вамъ задалъ гвардейскую выправку!«

Къ комиссару, который жилъ въ томъ же селѣ Бѣртицѣ, офицеръ нашъ не явился, такъ какъ офицеры въ полку слишкомъ рѣзко обнаружили передъ нимъ дворянскую гордость. По крайней мѣрѣ онъ былъ увѣренъ, что то была дворянская гордость, и не другое чувство. Комиссаръ былъ панъ »великаго колѣна«, а Зарубаевъ предчувствовалъ, что его примутъ надменно, — тѣмъ болѣе, что каждому извѣстно, кто былъ его отецъ и кто его мать. На счетъ сближенія съ дворянскими домами, въ которыхъ есть барышни, бывший отецъ Потаній рѣшительно обезнадежилъ выслужившагося козака; онъ и эти знакомства откладывалъ со дня на день. »Еслибы по крайней мѣрѣ не моя матушка!« думалъ, кури трубку, офицеръ.... »Но ей тоже надобно жить на свѣтѣ«, подсказывало ему его доброе отъ природы сердце: »она, бѣдняжка, много перенѣлась горя!«

Вообще, взглядъ на свою обстановку въ родномъ селѣ много повредилъ офицеру въ его собственномъ мнѣніи. Онъ пересталъ поминутно выпрямляться во весь чудесный ростъ свой, рѣже прежняго говорилъ, что онъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, и, словомъ, чувствовалъ, что какой-нибудь козакъ Очкуръ не такъ низко стоитъ въ сравненіи съ нимъ, какъ ему съ перваго взгляда показалось. У козака Очкура дворъ шире его двора и обстроень такъ, что залюбоваться. У козака Очкура воламъ, коровамъ и лошадямъ счету нѣтъ. Козакъ Очкуръ вложилъ на зиму въ омшанникъ 200 ульевъ. Самъ бывший отецъ Потаній говорилъ, что комиссаръ, тому назадъ пять лѣтъ, предлагалъ ему, черезъ своего писмоводителя, сдѣлать его панкомъ, за 300 цѣлковыхъ,

только бы онъ выучился подписать свое имя; но козакъ Очкуръ засмѣялся на это предложеніе и подарилъ письмоводителю доморослаго стригунѣ, чтобъ только онъ ему съ этимъ не докучалъ. Ясно стало Зарубаеву, что *благородными* могли бы сдѣлаться многіе изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ совѣстился водить хлѣбъ-соль, но не хотѣли именно потому, что благородство не позволить имъ собственными руками пахать и сѣять, а вмѣстѣ съ тѣмъ разстроить ихъ хозяйство. И при всемъ томъ не могъ онъ рѣшиться вести себя съ сосѣдями, какъ велъ себя покойной отецъ его, а тѣмъ менѣе — заняться по-прежнему сельскимъ хозяйствомъ, надѣть простые чоботы и свитку и идти за плугомъ; какой-то гвоздь въ мозгу мѣшалъ ему подумать объ этомъ такъ просто и ясно, какъ думала его мать и ея пріятели.

Между тѣмъ нынѣшняя жизнь его вовсе не была для него пріятнѣе той, какую велъ онъ до рокового для него 1819 года. У него въ душѣ сохранились воспоминанія о чудесныхъ прохладныхъ утрахъ и веселыхъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ полѣ съ плугомъ, косою и серпомъ, — о восхитительныхъ обѣдахъ подъ пѣсни жаворонковъ, гдѣ-нибудь на межѣ или подъ деревомъ, обѣдахъ, которые приносила ему туда любящая мать и приправляла своими ласковыми, полными живого интереса рѣчами. Теперь какой-то непонятный для него самого долгъ повелѣвалъ ему сидѣть утромъ взаперти надъ стаканомъ чаю, котораго не раздѣляла и не хотѣла раздѣлять съ нимъ старушка-мать. Она, бывало, не боится утренней мглы на вспаханномъ подь осень полѣ, ни холодной росы, сающейся каплями на одежду, на брови и рѣсницы; но табачная мгла, которую теперь устраивалъ у себя въ комнатѣ сынъ, не разъ прогоняла ее отъ него, какъ ни мужественно сносила она рѣзъ въ глазахъ и перхоту. Бесѣды ихъ не были уже такія оживленныя и гармоническія, какъ прежде: офицеръ многое опровергалъ въ ея простыхъ сужденіяхъ, многое пускалъ мимо ушей: »простая, дескать, женщина моя матушка, — ей позволительно кое-чего не понимать, — и вообще они, при всей любви съ одной стороны и внушаемаго природой снисходительнаго уваженія съ другой, никакъ не походили на такую единоклубную чету, какую составляли прежде. Нѣжно любимый сынъ возвращенъ матери, но возвращенъ глухонѣмымъ. Послушный вдохновенью сердца инструментъ побывалъ въ чужихъ рукахъ и воротился къ свое-

му владѣльцу съ оборванными струнами. Цѣпляеть на него другія струны праздный отецъ Потаній, строитъ его на свой строй и паигрываетъ на немъ, что ему по душѣ.

Въ самомъ дѣлѣ бывший отецъ Потаній мало-по-малу сдѣлался неразлучнымъ собесѣдникомъ отставного офицера. Зарубаевъ проводилъ значительную часть своего времени съ этимъ велемудрымъ пріителемъ, то у себя въ новой хатѣ, то у него въ домѣ, на половину обращенномъ въ кладовую, по случаю продажи козакамъ лишнихъ надворныхъ построекъ. У бывшего попа была бывшая попадья, довольно раскормленная и веселая особа, не уступавшая мужу въ пристрастіи къ вину, веселящему сердце. Эта достойная чета озаботилась успѣшнѣе родной матери судьбою отставного офицера и рѣшила, что ему надобно жиниться на такой-то поповиѣ, въ такомъ-то селѣ. Усердные совѣты подкрѣплялись чаркою, переходившею изъ рукъ въ руки, и отставной офицеръ возвращался къ матери иногда въ такомъ видѣ, что она должна была раздѣть его и уложить въ постель. Пьянымъ языкомъ объявлялъ ей нѣжно любимый сынъ, что невѣста его хоть и поповна, но ходитъ въ шляпкѣ и будетъ настоящею благородною женщиною. Хватала вдову за сердце нѣмая грусть; она чуяла бѣду, но отвратить ее не имѣла силъ. Сынъ ея былъ уже не ребенокъ, чтобъ его повернуть круто на дорогу простой, работающей жизни. Слова: *офицеръ, благородной человекъ*, оглушали и ее, бѣдную. Въ самомъ дѣлѣ ея сынъ «теперь совсѣмъ другой человекъ сталъ», какъ онъ твердилъ ей при всякой ея робкой попыткѣ вразумить его. Это была страшная истина въ устахъ безумнаго, и потому поражала ее, какъ истина. Разлучить сына съ бывшимъ отцемъ Потаніемъ — не смѣла бѣдная Зарубаиха и подумать. Изъ устъ сего послѣдняго слышались даже и въ пьяномъ видѣ рѣчи разумныя, или казавшіяся ей разумными, а къ его главному пороку привыкла она въ теченіе всей своей жизни. Все, что она въ силахъ была сдѣлать, это — носить бывшему отцу Потанію горячіе книши и покорнѣйше просить его потчевать сына *безъ примѣсу*. На это бывший отецъ Потаній отвѣчалъ ей:

— Любезная моя Параскевія... якъ бо тебе... гемъ... дѣ, Емельяновна! въ честномъ домѣ не порокъ выпить молодому человеку. Мой домъ — не шинокъ. По дружбѣ и по приличію, годится имѣть съ сосѣдями чарочное общеніе. Твой сынъ, Пара-

скевія... гемъ, гемъ... Емельяновна, благонравный юноша и хри-
столубивый воинъ. Служилъ онъ отечеству довольно и всяческихъ
ужасающихъ зрѣлицъ насмотрѣлся и натерпѣлся; нынѣ же да
возвеселится и возрадуется въ благожелательной отставкѣ!... Вы-
пей, любезнѣйшая сосѣдка (при этомъ рюмка, бывшая настольною
вещью хозяина, всовывалась въ руку сосѣдки).... Увы мнѣ! не мо-
гу назвать уже тебя любезнѣйшею дочерью; но уповаю, что мои
молитвы и поминовенія о твоёмъ покойномъ сожителѣ услышаны.

При этихъ словахъ сердце вдовы дѣлалось мягче воску: она
любила своего покойнаго мужа, и молитвы за упокой души его
до сихъ поръ не перестали для нея быть самою нѣжною сердечною
связью между нимъ и ею. Выпивая предложенную ей чарку, она
повторяла слова бывшего отца Потапія, но только въ болѣе кра-
снорѣчивыхъ оборотахъ и съ примѣсю наивной сельской поэзіи.

— Истинно! истинно! подтверждалъ бывшій отецъ Потапій.

А между тѣмъ его благовѣрная заходила ко вдовѣ съ другой
стороны:

— Мы за твоего Поликарпа Ивановича возьмемъ невѣсту у
короля изъ-подъ полы! говорила она. — Твой сынъ красавецъ,
хоть куда. Попскать такого и между дворянскими дѣтьми! Да куда
имъ ровняться, мѣршавымъ!

Вдова была побѣждена такимъ образомъ на двухъ слабыхъ
пунктахъ своихъ и возвращалась домой въ пріятномъ чадѣ.

»Може, воно й справді буде гáрно!« думала она; а чтобы не-
сомнѣнно дожить до счастья, которое для нея было выше всего на
свѣтѣ, она, на утренней и вечерней молитвѣ, прибавляла всякій разъ
по нѣсколько земныхъ поклоновъ. Въ церкви также увеличились
ея подачи на часточку, панихиды и молебны, къ совершенному
удовольствію отца Петра, преемника бывшего отца Потапія. Быв-
шій отецъ Потапій налегаль больше прежняго на богопротивную
игру въ карты, но вдова Зарубаиха смиренно отвѣчала, что Богъ
не по грѣхамъ нашимъ внимаетъ нашимъ молитвамъ, но по свое-
му милосердію, и такимъ образомъ поражала бывшего попа его же
собственнымъ оружіемъ.

Между тѣмъ дѣло о невѣстѣ у короля изъ-подъ полы подви-
галось впередъ побочными путями, такъ какъ сія невѣста была
родная племянница бывшей попадьи. Сестра ея была въ замуже-
ствѣ за іереѣмъ, какъ и сама она; но какъ ихъ роду суждено уже

было выше несчастіе, по выраженію ея мужа, то она овдовѣла, и приходъ, на которомъ основывалось ея благоденствіе, достался другому іерею и его попадѣ и его чадамъ, рѣдко малочисленнымъ. У вдовы попады, между многими другими дѣтьми, была круглолицая, румяная дочь; и сія-то дочь поведена была съ дѣтства такъ благородно, что носила шляпку и другія приличныя вышему сословію наряды. Но, не взирая на всѣ таковыя украшенія и даже на лѣпоту ея природнаго зрака, семинаристы, называвшіеся богословами, не предлагали ей, въ своихъ бесѣдахъ, ничего серьезнаго, а вопрошали развѣ: чѣмъ она умывается, что у ней такія цвѣтуція лавиты? что, конечно, было не непріятно для круглолицей дѣвы, но кольми паче было бы пріятно, еслибы какой-нибудь приморенный на реторикѣ и латыни, но бодрый духомъ богословъ спросилъ: правится ли ей такой-то (Крестовоздвиженскій, или Рождество-Богородицкій, или тамъ какой-нибудь Анно-Зачатіевскій) приходъ, несомнѣнно передаваемый ему престарѣлымъ отцемъ его?... Подобные вопросы предлагались дѣвамъ вовсе не круглолицымъ, но съ хорошимъ приданымъ, и дѣлались дѣвы сіи, въ шляпкахъ и безъ шляпокъ, почтенными »матушками« для цѣлыхъ селъ; она же пребывала тица и одинока, точно сіяющій, но хладный мѣсяцъ на небесной лазури. Охотно согласилась бы она сочетаться узами законнаго брака съ семинаристомъ-философомъ, будущимъ діакономъ, но семинаристы-философы ужасались пышныхъ ея нарядовъ, для поддержанія которыхъ діаконскаго дохода было бы слишкомъ недостаточно. Что касается до семинаристовъ-риторовъ, будущихъ дячковъ, то у нея былъ живой примѣръ передъ глазами, какъ одинъ изъ таковыхъ, плѣнивъ щеголиху, діаконскую дочь, въ послушаніе воли своей, то есть сотворивши ее дячихою, заставилъ всенародно обмазывать хату глиною, а къ сему поруганію присовокупилъ вѣщшее, въ видѣ синяка подъ глазомъ. Такимъ образомъ цвѣтущая самою выразительною красотою дѣва, будучи непричастна дворянству, которое у насъ не женится на поповнахъ, и потерявъ надежду на вожделѣнное бракосочетаніе съ однимъ изъ богослововъ, находилась можно сказать въ критическихъ обстоятельствахъ, какъ въ это время къ ней подѣхали съ офицеромъ. Сдѣлаться потомственною дворянкою — не шутка, и чувствительная красавица любила Зарубаева заочно, точно принцесса. Съ своей стороны и

Зарубаевъ, внимая краснорѣчивымъ разсказамъ бывшаго попа и бывшей попады, прельстился круглолицею дѣвою до зѣла.

— Очи ея, говорилъ бывший отецъ Поташій, — яко двѣ звѣзды въ полунощи.

»Брови ея«, говорила бывшая *матушка*, »какъ двѣ высокія радуги.«

— Носъ ея, продолжалъ сей, — яко чистѣйшее гусиное перо.

»Губы ея«, поддерживала сія, »точно пивонія.«

Словомъ, самая холодная натура могла бы воспламениться страстью къ законному браку, а натура нашего Зарубаева вовсе не принадлежала къ холоднымъ. Онъ, безъ всякаго отлагательства, рѣшился ѣхать съ бывшимъ отцемъ ~~Поташіемъ~~ Поташіемъ въ село Хропакі, отстоящее отъ села Буртица на небольшое количество стадій, какъ выразился офицерскій наперсникъ. У сего послѣдняго имѣлся собственный конь съ колесницею. Въ ясное осеннее воскресенье, когда на дорогѣ, засохшей послѣ дождей и слегка прохваченной морозомъ, не поднимется отъ колесъ ни пылинки, бывший отецъ Поташій, сидя рядомъ съ христолюбивымъ воиномъ, правилъ возжами съ нѣкоторымъ трепетомъ въ рукахъ, такъ какъ было еще рано и опохмѣлиться не позволяла ему совѣсть до обѣдни.

А между тѣмъ сердце оставшейся матери трепетало гораздо сильнѣе за судьбу сына, и трепетало совершенно безъ пользы. Его судьба уже совершилась. Она совершилась съ самого того времени, когда его взяли изъ-за сія убогаго обѣда, и уже никакіе отцы Поташіи не могли ее сдѣлать ужаснѣе, и никакіе отцы Петры — спасти ее. Совершилась судьба удалого козака, который не спустил комиссарскому сыну за оскорбленіе своей невѣсты! Теперь онъ »совсѣмъ другой человѣкъ сталъ!« Теперь для него не существовали болѣе никакія Катри Дубивны, хоть бы онѣ въ тысячу разъ были прекраснѣе и благороднѣе въ своихъ цвѣткахъ и лентахъ, чѣмъ какая-нибудь носительница шляпки въ селѣ Хропакахъ. Теперь высшимъ проявленіемъ удали было бы для него — задать гвардейскую выправку сыновьямъ любящихъ матерей и женихамъ изнывающихъ по нимъ красавицъ. Теперь онъ въ трезвомъ видѣ хуже пьянаго, а въ пьяномъ — развѣ немного безсмысленнѣе трезваго....

XI.

Я бы охотно провелъ моего читателя въ село Хропаки и показалъ ему, какъ жила вдова попадья и въ какихъ правилахъ воспитывала возлюбленную дочь свою; я бы, какъ говорится у насъ, *залюбкѣ* вошелъ во всѣ подробности сватовства и бракосочетанья офицерскаго; я бы нашелъ много предметовъ, вызывающихъ на размышленіе, въ устройствѣ новаго офицерскаго быта, подѣ руководствомъ молодой жены; но 1826 годъ былъ несчастнымъ годомъ моей жизни: меня посадили въ бричку домашней работы и увезли Богъ знаетъ куда, отдали Богъ знаетъ въ какія руки и заставили учиться Богъ знаетъ чему, единственно для того, *чтобъ я не баловался дома*. У насъ, въ мелкопомѣстномъ быту, пребываніе хотя бы и единственного дитяти дома, на глазахъ родителей, считается почему-то баловствомъ. Варваризмъ семейной и общественной жизни своей сознають наши мелкопомѣстные паны и панки сами, и чтобы свалить съ себя отвѣтственность за будущность дѣтей своихъ, швыряютъ ихъ, зажимура глаза, въ руки варваровъ иного покроя, которые или убиваютъ ихъ на первыхъ же порахъ, или же, въ случаѣ особенно крѣпкой натуры, выпускаютъ ихъ изъ своей фабрики живыми, но только болѣе или менѣе изуродованными. Такимъ образомъ простонародная жизнь села Буртища надолго исчезла у меня изъ виду. Много лѣтъ съ ряду мой умъ былъ занятъ своего рода пунктиками, и наконецъ, когда было признано, что больше я ни къ чему неспособенъ, то есть достаточно приготовленъ для жизни, мнѣ возвратили свободу и пустили на всѣ четыре стороны.

Естественно, прежде всего бросился я на родину. Я ѣхалъ день и ночь, сокращая сутки и часы моего изгнанія; я летѣлъ въ родной мой хуторъ съ нетерпѣньемъ влюбленнаго человѣка, поспѣшающаго къ любящей его женщинѣ. Наконецъ я достигъ поворота съ почтовой дороги на проселочную. Вотъ и село Буртище передо мною. Отсюда всего двѣ-три версты до родного хутора. Но надобно же было случиться, что весенняя вода разнесла греблю, которою сообщался мой хуторъ съ Буртищемъ! А тутъ навалилась темная дождливая ночь. Проѣхать въ темнотѣ

не было никакой возможности. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я рѣшился ночевать и остановился у первой хаты, въ которой ярче другихъ свѣтился огонекъ. На вопросъ: чья хата? кто-то, проходя мимо, отвѣчалъ, что это хата офицерихи.

— Впустить сюда переночевать?

»Впустить: у нихъ почуютъ судовые; у нихъ и самоваръ есть.«

Прекрасно! Заѣзжаю. Меня встрѣчаетъ пригожая, краснощекая женщина и охотно предлагаетъ въ мое распоряженіе свѣтилицу, самоваръ и ужинъ. Мысли мои заняты роднымъ хуторомъ. Въ ожиданіи самовара и ужина, я расхаживаю по свѣтилицѣ и не обращаю вниманія на тяжелое храпѣнье кого-то спящаго за перегородкою. Хозяйка хлопочетъ на кухнѣ, вѣроятно, готовя мнѣ ужинъ. Я слышу крикъ и хлопанье крыльями всполошенныхъ на сѣдалѣ куръ. Одно изъ этихъ простодушныхъ существъ, очевидно, должно пожертвовать для меня жизнію; но я остаюсь равнодушнымъ и безчувственнымъ, какъ всякій проголодавшійся путешественникъ. Тутъ отворилась изъ сѣней дверь, и дряхлая старушонка, въ жалкомъ рубищѣ, крехтя, появилась, съ чайнымъ приборомъ. Рѣдко случалось мнѣ видѣть такіа изможденные лица. Отвѣчая на ея смиренный поклонъ, я съ участіемъ всматривался въ ея полумертвыя черты, на которыхъ давно уже застыло живое выраженіе горестей житейскихъ и смѣнилось какимъ-то тупымъ, неяснымъ страданіемъ. Когда она принесла мнѣ шинящій самоваръ, я спросилъ:

— Ты, бабѹсю, въ ихъ наймичка?

»Ні, рідна мати«, отвѣчала она.

— Кто жъ воні такой?

»Зарубаєви. Синъ мій — офицеръ Зарубаєнко, а се (она качнула сѣдой головой по направленію къ кухнѣ), се моя невістка.«

Я понялъ все. Разспрашивать больше мнѣ было не о чемъ.

П. Кулишъ.

Малиновка на Хопрѣ.

Октябрь 1839.